

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

ГРАФИТ

№ 12

Тольятти
2017 год

Главный редактор: Сергей Сумин

Заместитель
редактора: Дмитрий Перегудов

Редколлегия: Ильдар Листопадов

Художник номера: Слава Трошин

Вёрстка: Сергей Пиденко

Все права принадлежат авторам.

В ряде случаев сохранена оригинальная авторская орфография.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Афиша культурной жизни Поволжья, тексты наших авторов и анализ событий культуры и искусства можно найти на сайтах: graffitt.ru и sumin.moy.su

Март 2017 года, г.о. Тольятти.

Для связи: sumin_sergei@list.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Николай ЗВЯГИНЦЕВ	6
Владимир БЕЗДЕНЕЖНЫХ	10
Роман САМСОНОВ	14
Сергей ЩЕЛОКОВ	19
Василий БОРОДИН	26

ФРАГМЕНТ РОМАНА

Александр ТЕНЕНБАУМ. <i>В поисках мяса</i>	30
--	----

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

Разговор с поэтом. Михаил НЕМЦЕВ	53
Михаил НЕМЦЕВ. <i>Ночь волнительна</i>	56

СКАЗКИ-ПРИТЧИ

Дмитрий СОПЫРЯЕВ. <i>Ким и Ян</i>	58
---	----

ДНЕВНИК НАБЛЮДАТЕЛЯ

Любовь ЧЕРНЯЕВА. <i>Просто так или лента из ВКонтакте</i>	64
---	----

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

АЙВЕНГО	82
Денис ЛИПАТОВ	86
Ульяна КАНАРЕЙКИНА	91
Владимир ПОПОВИЧ	94

ПРОЗА

Тимур БИКБУЛАТОВ. <i>Декарт</i>	100
---------------------------------------	-----

МИР – ОТЕЧЕСТВО

Стихи о Тольятти (к 280-летию города)	106
Галина БУЛАТОВА, Александр ТЕНЕНБАУМ, Елена КАРЕВА, Сергей СУМИН, Сергей ЩЕЛОКОВ, Елена ШУСТРОВА, Нина РЯБИНИНА, Лада ДОЖДЬ, Елена КОЧЕВА, Людвиг АНОХИН, Дюша ГЛЕБОВИЧ, Сергей ПИДЕНКО, Сергей ГРУДЕВ, Максим КОТОМЦЕВ, Олег БЕРЕЗИН, Слава ТРОШИН, Семен КРАСНОВ	

СОДЕРЖАНИЕ

ОКРЕСТНОСТИ

Андрей КНЯЗЕВ. *Красный РЕНО* 127

ПТИЦА

Стихи финалистов конкурса "ПТИЦА-2016" 132

МИР – ЧУЖБИНА

Из немецкого фольклора. (Перевод Роман ЛЕВАКИН) 141

ПОСТСКРИПТУМ

Елена КАРЕВА. *Волшебная лампа Виктора Пелевина* 143

КНИГА ЗА КНИГОЙ 147

АВТОРЫ 154

ПОЭЗИЯ

Николай Звягинцев

* * *

В лесу живут изобретатели колёс.
Любая пуговица – глиняный колосс,
Любое дерево проснулось на щелчок.
Кора случайная, травинка, караван,
И сигареты все на длинных рукавах,
И не задёрнутое кошкино плечо.

* * *

Вот созвездие сбежавшего кота,
Две луны ему – кормушка и вода.
Рыбки косточки, сверкающая россыпь,
Незаметная стальная паутина,
Всё распахнутое, взятое без спроса
У хозяйки нашей временной квартиры.

Это чайник выкипает на плите
В сотах зеркала, в зелёной темноте.
Ты расчёсываешь локоны травы,
Ты выходишь на балкон без головы.

* * *

В лесу зенитном, на сосновой батарее
Глаза магнитные оранжевых тарелок,
Движеньё воздуха вдоль каждого ствола.
Ты доезжаешь до патронного завода,
Идёшь по зеркалу и льёшь на небо воду,
Своим железом его делишь пополам.

Есть круг цветочный, его вешают на шею,
Есть в мире точка на стекле и на мишени,
Одна из ста или одна из десяти,
Отвёртка снов из оружейного пенала,
Ночная конница и бабочка дневная,
Вся жизнь охотника, пока она летит.

ПОЭЗИЯ

* * *

Девушкина Воложка, вот так тебя зовут.
Ты им улыбаешься, они тебя плывут,
Режут твоё зеркало на облако и лес,
Запахи охотничьи несут наперевес.

Солнышко двуликое с оранжевой росой,
Сделавшее берег пограничной полосой
Тех, кто путешествует, как паковые льды,
Тех, что состоят наполовину из воды.

* * *

Город лежит на блюде,
Фотографы его любят,
Сохнет его побелка,
Длится под каблуком
Треснувшее, как бемка,
Летнее далеко.

Ходят его подруги
Вверх по морскому дну,
Держат пустые руки,
Ищут себе луну.

Лене Дорогавцевой

Вот и поезд, вперед, рагацци,
С началом вас солнечной навигации.

Перышко, легкое на помине,
Мир подстреленный завершило.
Хочется дорого или мило,
Дорогу с близкими и большими.

Когда представишь себя подростком,
Выйдешь на Киевском перекрестке,
Дорогомилая там толпа,
Рубашка, расстегнутая до пупа.

Зачем мы знаем, что речка Лета
Из пепла сделана и букетов.

Они задевают тебя плечом,
Сами прыгают на крючок.

Там смешная богиня Веста
Правит музыкой полуголой
В миг, когда ты стоишь в оркестре
Небесного шарика дорогого.

Цар Освободител

Ты решила заказать себе вина.
От тебя сейчас уйдут четыре льва.

Ты почувствуешь следы на ободках,
Всех охотников с медовой головой.
Они выйдут из кармашка кошелька,
Прыгнут в город, не коснувшись мостовой.

Вдоль бульвара, по его воротнику
Ходят люди между стёкол и фасет,
Ловят радости и деньги волокут,
Гонят львов своих по правой полосе.

Кто придумал, что свобода пустота –
Это кисточка на кончике хвоста.
Просто кисточка, свободная строка,
Словно стружка с городского верстака.

* * *

Листва, ты лакомка, ты снова пополамка.
Есть время года, чтоб склониться над прилавком.
Четыре дольки, будто чей-то перекрёсток,
Огромный город, словно тыква – переросток.

На нитке праздника блестящего пошива
Ты так похожа на свободную машину,
Когда стоишь и выбираешь себе лучших,
Как та глазастая на той странице лужи.

ПОЭЗИЯ

* * *

Чего ты ждёшь? Я жду белил,
Меня художник повалил.
Там лето яркое такое,
Окно, веранда, каланхоэ,
Нездешний рыжий колонок,
Там луг щенячий и пшеничный,
Зелёный голос пограничный,
Бежит испуганный чеснок,
Трамвай летит напропалую
Сквозь мост весёлый Поцелуев
У речки Глинки между ног.

* * *

Дайте нам два бутерброда с Нарвой,
Светлой травы под столбом фонарным.
Вот они, серые, в быстром танце,
Словно перчатку седлают пальцы.

Вот на двоих моментальный снимок,
Рыбное лакомство между ними.
Как острова из пращи Давида,
Разные люди на берег выйдут

В зеркало снов, облаков и лодок,
С разных сторон, из одной колоды,
Все перевёртыши младших кошек
В лёгких доспехах, пушистой коже.

Владимир Безденежных

Шизофрения

Разговариваю сам с собою – это шизофрения, да?
Ну и плевать, потому что реально легчает.
Что делать с этой судьбою, в эти мои года,
Когда ничего ничего уже не предвещает.
Кроме того, что время берет свое, вот ушла весна
В никуда или в очередное лето,
А ты, если и видел ее, то будто бы из окна
Поезда, где катишься без билета
Потому, что билеты положены «для своих»,
Все СВ, сидячие и плацкарты.
И тебе предложено на своих двоих
В эту даль, но без компаса и без карты.
Впрыгнул, втиснулся внаглую на ходу,
Притаился в тамбуре – мол, курю тут
Да в окно смотрю, но со страхом жду,
Появления контролеров лютых.
Вот придут и высадят, да пинком под зад
На глухом полустанке или кордоне,
И теперь уж точно куда глаза,
Хорошо, если не с конвоем и не в колонне.
Жизнь чиста и прекрасна, и мимо тебя летит
С громом, лязганьем – ей никого не жалко.
А тут вечером из куста по тебе соловей свистит,
Разливается как сигналка.

сонет № 4

Где были мы все эти злые годы?
Мы были здесь и прятались в словах.
Имея всё, вымаливали льготы,
Пускали их по ветру в головах.

Как флюгеры под веселящим газом
Вертелись лихо, жили «на ура!»...
Но жизнь-поэму съели метафразы,
И проза-жизнь уже неопера-
бельна. Как вязкая параша,

ПОЭЗИЯ

Как сумасшедший абстинентный сон
Течет – плывешь, приняв едва сто грамм.

А мальчик, словно кисти Караваджо,
Тебя на улице снимает на I-Phone
И с тегом #синь сливает в Instagram.

сонет № 3

Когда-то я шлялся по улице этой
Еще сорванцом, белобрысым мальцом...
Мой путь вслед за улицей свился кольцом –
Я под пальтецом и дымит сигарета.
Бреду. Сочность красок сезанновых лета
Вокруг увядает. С печальным лицом
Влекусь, наблюдая за тихим концом
Сезона и улицы. Кажется – света.
Листву отряхнули кудрявые липы,
У бани пасутся корявые типы,
И все – хоть на холст.
Четвертый десяток, эпоха цинизма –
И лица ребяток с импрессионизма
Печатями пост.

Королева (из цикла «Про девочек»)

А помнишь, в школе звали «королевой»?
И ты сразила бы любого жиганка,
Когда б не взглядом, то одною левой,
Была любовь одна – кёкушинкай.
Ходила, словно роковая дама,
Но пояс черный был не для чулка,
А кимоно – не блядская пижама,
И лишь одна любовь – кёкушинкай.
Но «королева» стала дура-дурой,
Как повелась из-за блатного партака,
Сосед откинулся – трава, солома, «хмурый»,
К ромалам ездки, а не на кёкушинкай.
Куда все делось, как так получилось?

ПОЭЗИЯ

Любовь ушла, кёкушинкай забыт.
Ужалилась по-первой, подлечилась,
Подсела... за хранение и сбыт.
По перваку тебе вlepили малость,
Как на суде шумела голова!
Сперва – СИЗО (ты там переломалась),
Потом УДО (но с нифелями через два).
Ты в «капельнице» до шального бреда
Сидишь и пьешь бодряжный «бычий кайф»,
А я вдруг вспомнил про твои победы,
Про твой божественный кёкушинкай.

Болдинская осень

Бывал по осени, бывал.
А то, конечно, выпивал,
А как не выпить-то с тоски,
Едрит-ить в душу!
Гулял, на лошади скакал,
На чарку в дом к себе пускал.
Его все знали мужики.
И сказки слушал.

Не знаю, что он тут писал,
Все больше с девками плясал,
Чуть жонихи его, бяда,
Не порешили.
С фантазией был человек:
В исподнем выскочит на снег...
Ото ж, на то и господа,
Чтобы грешили.

Чернявый, юркий, небольшой,
А все же с русскою душой –
Бывало плетью так ожгёт,
Да через спину
Одно и слово, что «поэт»,
А так чуть что – за пистолет:
«Бабах»! А кто сейчас не пьет?
За то и сгинул...

ПОЭЗИЯ

Доехать в Тольятти стоит как банка мёда
Трехлитровая – дорога в один конец.
И становится ясно, даже и без намека,
Жизнь сладка тут, как в детстве на улице леденец.
Вот водитель берет у вас банки, бочонки и туеса,
Аккуратно укладывает в багажные закрома
И везет к себе в город на паточно-сладкие улицы
Своим счастливым и липким деткам в сахарные дома.
И здесь все издревле довольны таким укладом,
И как жить иначе возможно никто не поймет.
В заводе в моторы к новехоньким ладным ЛАДАм
Тут заливают, конечно, не масло, а чистый мёд.
Повсюду на улицах слышатся сладкие речи,
И приторно щемит в груди с этих сладких речей.
А речи сливаются в томно-тянучие речки,
И в Волгу впадает как будто медовый ручей.
На том берегу, там где горы и всё красиво,
Со Стенькиных пор там ухватист, сметлив народ.
Черпают воду медовую и варят хмельное пиво,
То самое «Жигулевское», что пьется как чистый мёд.
Конечно, поверит не каждый во все, что тут было сказано.
Но инвалид околумственного труда,
То есть пиит, точно знает теперь, что «мёдом намазано» –
Это в Тольятти. И срочно спешит туда!

ПОЭЗИЯ

Роман Самсонов

Любимое существо
Может быть спрятано
В абсолютно случайном теле
Твоё тонкое вещество
Прилетает: Ты в деле?
О, да! Я конечно в деле!

Так деревья
Дотягиваются друг до друга пыльцой
Жив
Жив
Жив
И Горшок, и Кобейн, и Цой

Средь бумажных страниц
Отыскался кленовый листик
Я не мистик
И ты не мистик
Никто не мистик
Только магия – вот она
Вспыхнула и горит
И забытая
Трижды забытая осень
Воскресает
И те же слова говорит
И смеётся
И так же хитрят глаза:
Ты не против?
О, нет! Я конечно всецело за!

СТАРИК И ВОЛГА

Жили Старик со Старухой
у самой великой Реки
в городской квартире,
оставленной им государством.

ПОЭЗИЯ

Старик вставал засветло
и спускался к Реке
с удочками
и тяжёлым свёртком резиновой лодки.

У самой воды распускал лодочку,
надувал её резиновой грушей
и вставал в стороне от фарватера,
разложив свои удочки.
Когда случалась хорошая рыба,
старик ходил на Хлебную площадь
и возвращался с хлебушком.

Потом они со Старухой
пили чай,
смотрели телевизор,
ходили за пенсией.
Старик рано ложился спать,
а Старуха отправлялась
на свой вечерний промысел –
за стеклотарой.

Так и жили потихонечку.

Умер Старик на Реке:

Вышел как-то привычным путём,
накачал свою лодочку,
выгреб к стороне от фарватера
и отошёл разом

Так, с вёсельками в руках,
и плыл по Воде.

Город Смерть
У излучины древней Реки
Но Река молода
И не стёрты её кулаки
Об пески

ПОЭЗИЯ

И замки не скрепляют песчаные замки
И легки её лёгкие
Вдохи-дымы-табаки
И крупицы, и крохи
Не ссохлись
Они ароматны, мягки
И шаги широки
И широки её полустанки

Ну а в Городе смерть
Не посметь
Прислониться к стене
Не посметь прикоснуться
Косыми ресницами
К свету во сне
На извёстках последних известий
Царапины
Снег
На ресницах последних известий

Совиные взмахи

Столетий, минут

На бумаге

Железнодорожные строчки
Чернильные плахи
Тире, запятые и точки
И кто-то в усах и папахе
Плывёт или скачет
На ветхом истлелом листочке
К слепому вокзалу
А с неба сухие кусочки
Воды
Летят запоздало

В кирпичные рты
Закопчённых разверстых строений

И только Река

В перемене своих настроений

ПОЭЗИЯ

Как будто
Немного всегда далека
Как будки
Прибрежные
В вечном своём отдаленьи

От всех перемен

Безногая ниже колен
Город Смерть
У излучины древней Реки

Верь мне
Можно не до конца
Дверь не
Сложно убрать с лица
Паутину
Подобную памяти лета
Взгляд
С террасы на одичавший
Не стриженный сад
Не задета
Артерия. Можно не волнова
Ться.

Сабатини
Выловленный из реки
Раки
В мундирах английской пехоты
И ждущие тяжести гамаки
Наших тел
Уже позвонивших о выходе на работы
В парафине
Бутылки из-под шампа
Нского.

Скука
Взаимного интереса
Проходит
Ты в общем так себе поэтесса

ПОЭЗИЯ

И на пароходик
Всходила в каком-то немеющем крике
На глянцевой кожице яблока
Блики
И капли

Пожалуй, пойду посмотреть
Как цапли готовятся

Мне так уютно стареть

Сотри меня птица
Из памяти серых птенцов
С поверхности гладких озёр
С падучей коры
Равнодушных осенних деревьев
С асфальтов и стёкол
И если случайно задел облака
Сотри с облаков

О бумагах моих позаботятся
Ветер с Огнём
Два пьяных приятеля
Город затопчет окурки и пробки
И мелкие капельки крови

На дальней
На вечной
На тёплой самарской стене
Останется надпись
Где-то у самой земли
Графитом

Меня здесь не было

Сергей Щёлоков

Смолотый дух веселится

Выходной

Взял Давид Мелхолу

и ушёл в никуда

И твоему рок-н-роллу
единственная среда

суббота иудеев

с утра ничего не делать
но уже в конце
можно дать концерт

Перевалит полночь
настроишься пока

Вот посильная помощь
из алкоголя и табака

Суббота велика
и ожидание длится

Ты знаешь ремёсла и дела
ты знаешь лица

Фарисей находит овцу
приводит заблудшую к Отцу
и говорит прими заколю

Отец отвечает
Я этого не люблю
что вы здесь забыли
какие среда суббота
ваш дом разъеден пылью
чем не работа

Можно закатить концерт

но преступив одно
становишься виновен во всём

ПОЭЗИЯ

Поэтому всё равно

Ждут великаны драконы
мельницы ветряные

Играешь ради закона
Ради любви иные

Танец-пастораль

Т. Макаровой

Балерина Макарова
как ломается свет
как танцует сонет
желала мне лучшего старого
и счастливого нового

Мы в рюмках на траве
мы не рыбки но там сидим

Тебе подавай обоих М_не

но в рюмках не только мы

Балерина Макарова
танцуй Саломея
сзади и снизу тебя укушу

и вырвет на твой гибкий стан
моего засидевшегося полипа

Балерина Макарова в трауре
по лучшему старому
счастливому новому

Ни в лесу ни в поле
ни в местах культурного отдыха в городе
меня больше нет

Спроси у Эдуарда и Клода
где меня искать

да я сам уже слышу
как они говорят

там куда балерина Макарова
не гоняла телят

ПОЭЗИЯ

Венком скарлатины
на вздутый (по имени) дёрн
на впавший от имени
каменный цвет поплывёшь

Кто густ небосвод
и кто терпок в миру чернозём

Подумаешь коклюш и корь
от ребёнка спасём

Зато с Трисвятым и крест-накрест
засыпанный грош
от меди далёк и мерцает
(по имени) Борн

Привычные сливки
на Господом взбитый экран
всплывают

и холод в земле замерзает и сам
кольчугой впитавшей
и золото и серебро

А что понесёшь
если даже сквозное метро
несёт и петляет
девятым назло небесам
в могилах и в залежах
(рыцаря звали Бертран)

Святой Антоний и оборотни

Не спастись неосторожным сторожам:
волчье логово завалено песком —

но песочек в изголовье задрожал
и просыпался, как в солнечных часах,
как в песочных, на которые монах
оглянулся, вспоминая про Содом.

Потому что пересыпался песок —
осторожная надежда поднялась,

ПОЭЗИЯ

и сторожка приоткрылась на часок
(то ли солнечный, то ли песочный час).

Но монах со сторожей не сводит глаз:
не споёт петух – не сменится и власть.

Им не вырваться из солнца и песка:
не случайно же монах спустился с гор.

Не простая и тяжёлая рука
возлежит на изголовье сторожей –

Бог играет, обрезая без ножей
сердце самой одинокой из Гоморр.

Рыбы и вообще водоплавающие

Не обсохло кофе с молоком
(Рыбьи губы рыбаки не прячут)

Я пешком и правым плавником –
от Кардена левым – от Версаче

Если не почувствуешь плечом
тяжесть слова имя легиона –

легче будь пилой или мечом
грейся на карнизах из картона

Жабры не выдерживают ног
(Губы рыбы – да не рыбе тело)

Лучше уж зубцы или клинок
чтобы распилить рубить разделать

Рыболовью тушку – на мороз
а хвосты и головы – зверятам

Но не рыбы голова и хвост

Немота Дальнейшее – цитата

ПОЭЗИЯ

Немного разговоров, но внутри,
где сердце полосуют янычары,
разлившийся огонь по счёту три
охватывает дерево молчанья,
сжигает фонари дотла – и вот
в два счёта опалает пищевод.

Всегда мне говорили: подожди,
слова скучают без прозрачной цели,
в сгоревшем горле не пойдут дожди
и дерево молчания в тоннеле
не вырастет; там мёртвая вода –
и разве что проходят поезда.

А цель прозрачна; и назло, со зла
о ней не пишут ни углём, ни мелом,
и чувствуешь, что рифма умерла,
но дерево молчания и белым
стихом ветвится и тебя ведёт –
и смерть к тебе уже не подойдёт.

Андрею Темникову

Перемелется дух и найдётся амбар
Мельничиха прекрасна и время фривольно

Полюбились бы пыль и вишнёвый загар
и на сене соломе щекотно и больно

Вдруг тяжёлый и жаркий рассвет перегар
обдувает и щели и складки

довольно

Проплывёшь под водой пока снишься одной
и один перед красным взволнованным морем

Ангел воду возмутит и сам уже Ной

Мельничиха прекрасна в одном разговоре

Говорилось бы больше

да вот выходной

ПОЭЗИЯ

Значит сладко молчанье и солоно горе

Но сказать надоест

Наизнанку глаза

Но не рыбы мечи змеи больно кололи
а прекрасно поплакалось

Знаешь слеза

в жёлтом море бесцветна

сказать бы о соли

даже будь море белой водой

не сказать

потому что ни блеска ни зеркала что ли

Перемелется дух

Соль умеет чернеть

Почему же вплывёшь в чёрно-белую реку
где бесцветен и сладок

и не опьянет

Ведь найдётся амбар где пьянет человеку
Хорошо только белые вина и снесь
что не снились забавному древнему греку

Видишь бродишь по городу где ни села
ни купелей ни дождиков сорокадневных

Только сладостен яд и солёная мгла
обволакивает перед сном

Только небо

где добро говоришь не болеет от зла
перемелет в труху пропадающих немо

Смотришь море и тут

а похоже река

вертолёты паромы

а можно напиться

возле самого берега где родника

чуть заметны следы

заболеть отравиться

Но почувствуешь чья одинока рука

и как любит

и смолотый дух веселится

ПОЭЗИЯ

Эпитафия

Эвтерпа убежишь от нас
расчувствуешься
и Парнас
размытый под тобою рухнет

А твоя смерть уже сейчас
Кастальским родником из глаз
у каждого из нас под ухом

Журчит и говорит она
что под руинами одна
и под руинами руины
что разговоров времена
за засветло до дотемна

и золотятся середины

Развален город
только стен
что магазин книгообмен
и книга книг идёт за книги

и после баллов или цен
останется один домен
куда приткнёшь свои вериги

Не сладок хлеб не сладка соль
Отроешь имя и пароль

и станешь первым и невнятным

И женских окончаний боль
в конце придуманная роль
где сыщик следует по пятнам

Предлог конечно ловля муз
Конечно следует союз

и размножается и этот

Эвтерпа по любви и вкус
мужского окончанья плюс
руины бывшие поэтом

Василий Бородин

снег — врач и сон — дорога
а ты
а не скажу
играет ветер строгий
а куст дрожит: "дрожу"

и дерево большое
в "весной проснусь: весна"
не верит всей душою
и трогает: луна

впервые женится старик
и открывает для себя:
на снегу дышит печной уголёк
по деревенскому небу солдаты идут трубят

настоящее войско разгромлено всё, и в звёзды
превратилось, как в ордена из колючих слёз
а трубачи идут рваной тёмной
дымкой — скажи, брат пёс

печь — как супружеское
ложе огня и напиленных длинно тощих осин
— повторится ль когда-то застолье бездонное, дружеское?
на лавке — кот; в красном углу — Божий сын

вот и суровая серая холстина
вышитого белогрудыми ласточками рушника
— долго-долго играют "my favourite things"
сгорбленные, как двоечники из музучилища, тощие облака

я нарисовал
на снегу
мочой собаку
но не хватило
на хвост крючком
каждый художник одинаков

ПОЭЗИЯ

в этой недоосуществленности —
о ком
бы вы ни ни подумали:
о ван Гоге!
— он рисовал
жёсткие пятки крестьянки, что
долго-долго стояла
на пороге
зимней избы — с картошкой
в подоле дымящейся
...кто—
то
ему, ван Гогу,
всё время шептал, внутри головы
что он не умеет как следует изобразить
силу любви

— я хотел бы попить воды
я её так любил всегда:
утром встать и попить воды

— в аду отменена вода

— я хотел бы в ночном пути
посидеть у костра

— в раю
ночи нет, некуда идти
и огня в руки не дают

кошка-корова в Милютинском переулке
смотрит на тех, кто читает это в 2036 году,
несколько свысока:
нежность и пустота
в светло-зелёных её глазах:
"живите как хотите!"

— жизнь, движущаяся сменами парадигм,—
поясняет кошка,—
когда само здание СМЫСЛА назначено раз за разом под снос,

ПОЭЗИЯ

выявляет нерационально—
верных людей,
старящихся в обнимку с обломком
от начала до конца выдуманного корабля.

сейчас это — вы.

ладно, всё, потомки,
у меня дела — говорит кошка,
и молчит, дышит дождём сентябрьская земля

как бумажный фонарик бессмертный
мы побьёмся о дождик слепой
станем старше и станем бессмертны

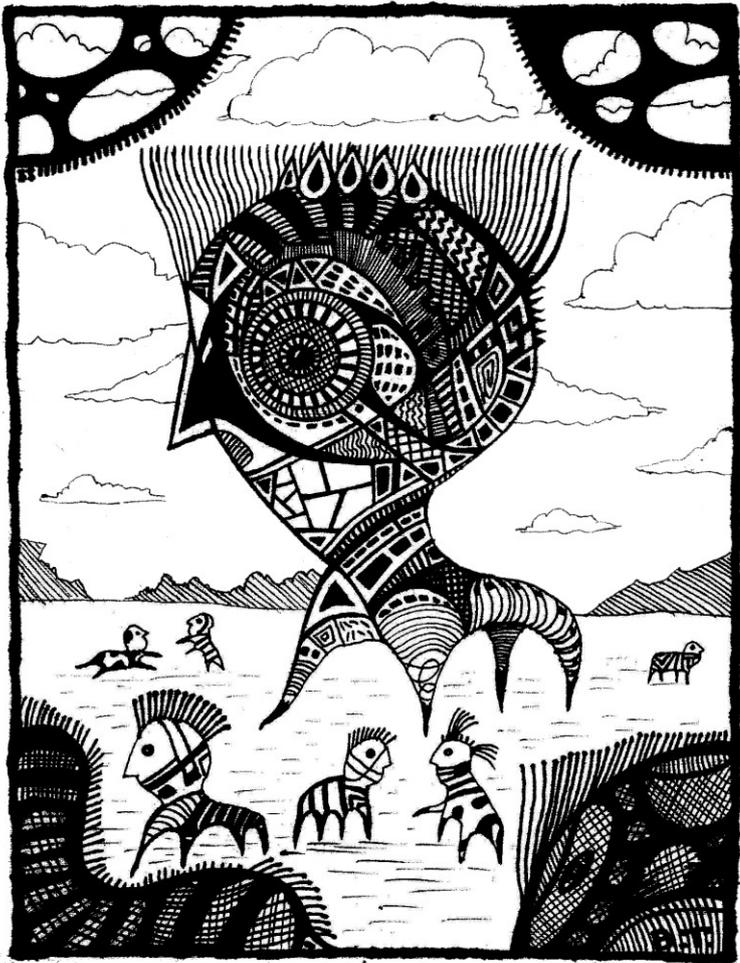
песню пой

звёзды встанут над скошенным полем
дымкой круглою обведены:
позади — перейдённое поле

тишины

сыроватого звука
сыроватого звука нам
с самой ясной Ямайки
сыроватого звука — там
УЗИ сердца, или собака
вылезла из воды
а по берегу
ходит между людьми
сухой дым

человек — тоже ствол и ветки
тихий ход сухих голых корней
время замершее как ветер
над песчинками светлых дней
между рёбер ладоней господних беги —
стой, беги, струйка
общего песка
белый флаг — листок папиросной бумаги
кончен бой, солнце подожгло облака

Александр Тененбаум

В поисках мяса

(фрагмент романа)

*Лучшие истины – кровавые истины,
вырванные с мясом из собственного жизненного опыта.
Ирвин Ялом. Когда Ницше плакал*

ВСТУПЛЕНИЕ

1.

В тот страшный день я думал, что «последней каплей» в череде моих нескончаемых бед стало утреннее потрясение на работе, когда начальник неожиданно вызвал меня «на ковёр» и сообщил замечательную новость, что я попал под сокращение штата. «Дела у нас, как ты знаешь, оставляют желать лучшего, – с горечью изрёк он, беспрерывно глядя в окно, но только не на меня. – Ты пришёл одним из последних в компанию, так что извини, брат, придётся оставить только самых-самых...».

Как позже выяснилось, красивые слова «попал под сокращение штата» оказались на поверку своеобразным пинком начальникового сапога мне под зад и выдворением за дверь без какой-либо компенсации денежных средств, так как официально я у него никогда не работал. Я устроился я к нему «в компанию» пару лет назад от отчаяния, ведь здесь тогда хоть что-то платили. Вместо трудового договора все наши отношения держались на «добром слове», по-другому он не хотел меня брать.

И вот я пытаюсь снова проникнуть в помещение на заветный ковёр с криком «Пётр Михайлович, вы мне должны ещё за последнюю неделю работы!». Но бугай-секретарь Ваня в коридоре отлавливает моё хилое тельце своей атлетической накаченной ручищей и буквально выбрасывает спортивным ядром вон – навстречу новым приключениям среди весёлого житейского голода и хлама и невозможности отдать по счетам.

Вдогонку через открытое окно я слышу лишь классическое наплевательское изречение всех начальников мира в таких случаях: «Ничего я тебе не должен». Сижу в сугробе с разбитой рожей, хныкаю как ребёнок, оставшийся без мамки, шепчу ему в ответ, но он этого, конечно же, не услышит:

– Спасибо тебе, Михалыч!.. Спасибо тебе, родной...

Итак, в тот страшный день я думал, что «последней каплей» моего терпения стало неожиданное увольнение с работы, – однако ж, контрольный

ФРАГМЕНТ РОМАНА

выстрел обывательских неудач прозвучал, разрывая измученный мозг, именно дома, именно там, где ты привык чувствовать себя хорошо, уютно, спокойно.

В общем, я пришёл домой, голодный и холодный, всё ещё иногда всхлипывающий, с мокрыми глазами, внутренне почти в полном отчаянии, но с тайной надеждой, что под конец всей этой дьявольской круговерти забрезжит спасительный свет. Скинул куртку, ботинки, и сразу направился в кухню, к заветному холодильнику, словно там был спрятан утешительный приз, – резким отдергивающим движением распахнул дверку. И что бы вы думали, я там увидел?..

На верхней полочке притаилась половинка засохшей луковицы, рядышком сжался покусанный кусочек сухого чёрного хлеба, зачем-то бережно завернутый в обрывки целлофана. Средняя полка содержала в себе вскрытый, чёрт знает когда, пакет с явно выпитым до дна (я чувствовал это) кефиром. В самой нижней утробе холодильника жались друг к дружке, не внушающие доверия пакеты не то со свеклой, не то с морковью, не то – о, ужас – с топинамбуром. Но, скорее всего, не с ним, просто я ненавижу этот сомнительный овощ, который в народе часто приводится в пример как очень полезный и нужный для организма.

И больше не было ничего – ни яиц, ни сосисок, ни консервов, – но самое главное, в холодильнике, как ни ищи, не было никакого мяса! Я специально вывернул морозильную камеру наизнанку, я выкинул на пол все эти насмешки над едой в виде засохших кусков и уродливых «топинамбуров». Всё было тщетно: мясо отсутствовало до такой степени, что оставалось только отрезать себе пальцы на руке и сварить их вместо сосисок.

Меня мутило от голода и печали. Из тонущего в болоте страданий мозга, на поверхность сознания мимолётно всплыла здравая мысль: «А ведь уже который день мы с женой не покупали мяса. Олег, ты чего это тут с ума сходишь, – очнись, мяса нет и нужно потерпеть ещё какое-то время, когда будут деньги...».

– Я не могу больше терпеть! – не преодолевая боль, крикнул я. – «Ещё какое-то время»!.. «Когда будут деньги»!.. – словно передразнил невидимого врага. – Да никогда их не будет! Меня уволили! Мне нужно платить за кредиты и ипотеку, за ЖКХ и кормить детей! Где я возьму столько бабла теперь, когда меня выгнали с работы?! На что я куплю еды? На что я куплю *мяса*??? А?!

Внезапно ужаленный невозможностью преодолеть страх и решить нерешённое, я схватился за холодильник и повалил его на бок – холодильник грузно упал, а я побежал дальше, круша всё на своём пути.

– Где справедливость?! Почему кому-то всё, а кому-то ничего? Кто-то не знает, как потратить миллионы, у него есть любая вещь, и ему при этом – вот в

ФРАГМЕНТ РОМАНА

чём парадокс! – скучно жить. А кому-то нечем платить за квартиру... или тупо не на что купить немножечко мяса на обед! Ах, как давно я не ел мяса!.. Сейчас бы сюда большой кусок жареной свинины с луком и какой-нибудь вкусный овощной салатик. А потом запить всё это счастье чашечкой хорошего настоящего кофе, а не вонючим говном, растворимым, дешёвым, который я пью каждый день – меня от него тошнит. Ну как, как жить дальше? Боже!

Предел был пройден, мозг взорвался, крышу сорвало.

...Стою с телефонной трубкой в руке, а в трепещущей тишине комнаты звучит гудок дозвона. Это я звоню своему единственному другу Васе. Гудок вытеснил все переживания, в нём слышится голос самой надежды.

Вася ответил.

– Здорово, Олег!

– Здорово. Вот, хотел тебе сказать, что я согласен.

– Ты о чём, брат?

– Я согласен... Ну, помнишь, про что мы недавно говорили с тобой?

– В последний раз, когда бухали?

– Да, тогда, когда мы пили в том кафе. Если всё, что ты сказал – не «пьяный базар», и всё на самом деле обстоит, как ты предлагал, – то я согласен.

– Нет, это был не пьяный базар, Олег.

– Отлично! Это хорошо!

– Олег, у тебя что-то случилось?

– Да, Вася, случилось. Как ты и предсказывал. Меня выперли с работы, мне нечем платить за кредиты, мне нечем кормить своих детей, я голодаю, я устал...

– Ладно, давай встретимся и тогда поговорим.

– Давай.

– Я к тебе через часик зайду.

– Хорошо.

– До встречи.

– Пока.

Предел был пройден, я чувствовал, начиналась действительно новая жизнь, полная опасных приключений. Теперь я шёл напролом в поисках справедливости, точнее, я сам возьму себе свою справедливость, раз мир управляется такими мерзкими гадами, как Пётр Михайлович. Я шёл в поисках справедливости, я шёл в поисках мяса – настоящего, неподдельного, без всякого ГМО и добавления сои. Мяса – как неповторимого вкуса самой жизни.

2.

Не стоит долго «под лупой» рассматривать всю мою биографию от рождения и до сегодняшнего дня, когда я решился на этот отчаянный поступок.

ФРАГМЕНТ РОМАНА

Уверяю вас, я – не слишком интересный персонаж, за исключением того (но это касается, пожалуй, только меня), что с юности *ещё* пишу стихи, рассказы. Правда, всё больше «в стол»: да, я типа писателя. Мне нравится слово «ещё», от него веет депрессией несбыточных грёз и одновременно наперекор всем ветрам утверждением как бы личного достоинства.

Быть писателем – не всегда достойное в обществе занятие, не всегда ты попадаешь *сразу* в цель, радуешь глаз, слух читателей. А вот по поводу слуха: чаще всего они о тебе не слышат, потому что попросту не знают о твоём существовании. Кстати, как вам «ещё» одно любопытное словечко – «сразу»? Оно тоже может пребывать за гранью чудесного (то есть дозволенного), и лишь немногим открывается раз в жизни (два, три?).

Так или иначе, из-за обстоятельств извне или от моей природной неумелости жить в соответствии с тем, что получил при рождении (иногда мне приходит в голову – здесь замешана банальная строптивая лень!), но я не стал каким-то там даже мало-мальски известным писателем. Тем паче о поэзии вообще умолчу! И в итоге самым нехитрым образом миллионов себе подобных дожил до «среднего возраста».

Ах, как он упоителен, этот средний возраст! И этот надвигающийся неумолимо «кризис среднего возраста» – когда ты снова и снова переосмысливаешь прошлое и понимаешь: последние тридцать пять лет ты прыгал по тверди Земли яко блоха. Правда, тебе повезло больше, чем настоящим блохам: они-то в среднем живут всего пару месяцев, а ты умудрился протянуть десятки лет. О-го-го!

Итак, не будем рассупонивать здесь мою никчемную жизнь, деля её на атомы и даты. Я не стал писателем, потому что им не становился, а в реальности становился много кем другим, сменив за годы десятки глупых – с точки зрения высокого искусства – профессий, распространённых направо и налево в приземлённом обществе.

Как поэт, неоднократно влюблявшийся в женщин до беспамятства, лет десять назад (а может больше, точно не помню) я в очередной раз влюбился до такой «амнезии», что спустя три месяца женился на одной милой девушке, и вот на данный момент мы с ней воспитываем двоих ребятишек: сына и дочку. Всё просто, логично и... тупо – в условиях жесткой нехватки денег (в обществе – норма, когда не хватает денег, и это не является линейной мотивацией отказа от продолжения потомства).

Детей нарожали, значит...

И вот здесь стоит упомянуть об извечном – как все глухие риторические вопросы – вопросе квартирном, который испортил не только москвичей, а всех кругом испортил и продолжает портить, кто когда-либо пытался, получая на работе гроши, купить себе цивилизованное жильё. Да ещё в ипотеку. Просто

ФРАГМЕНТ РОМАНА

однажды мы с женой подумали: зачем снимать жилплощадь у кого-нибудь, выкидывая ежемесячно приличную для нас сумму денег, если также можно отдавать энную сумму в своё, родное?

После того, как мы влезли в ипотеку, мы ещё в довесок понабрали все мыслимые и немыслимые кредиты, потому что в нашем возрасте и с нашим достатком всегда чего-нибудь не хватает. Понятно – винить в данном случае приходится только себя. Ведь, когда хорошенько поразмыслишь, начинаешь понимать, что: **1.** Ты сам виноват, что не научился зарабатывать больше; **2.** Не научившись зарабатывать, зачем ты настругал детей и влез в долги? **3.** Сидел бы себе сиднем, как Диоген в бочке, и вещал стихи прохожим бомзам! Чем не счастье? – маленькое, но тоже своё, настоящее. Всё верно, так и есть, я – осёл.

Однако человек так устроен, что он всё равно почему-то выгораживает, жалеет себя, бедняжку, когда попадает в затруднительное положение – не хочет и всё: брать ответственность за совершённые поступки. Этим нехитрым манером, собственно, и я постепенно начал «крыть» козырные карты жизни. Забравшись полностью в долги, «облепившись» со всех сторон депрессией по поводу кризиса среднего возраста, я жалел себя с каждым днём всё больше и больше.

Усугубляло положение состояние здоровья нашего старшего сына. От рождения он сильно болел (основная проблема – в мозге), а по истечению трёхлетнего возраста врачи поставили ему ужасный диагноз: «Задержка психического развития» (ЗПР). По их словам, причиной болезни стала внутриутробная гипоксия плода (кислородное голодание), вследствие которой развились необратимые изменения в центральной нервной системе – и в итоге они констатировали кучи всяких патологий. Они ещё много чего говорили, писали, утверждали, пугали. А иногда зачем-то неумело успокаивали: типа, вы, родители, не теряйте пока надежду, будем наблюдать, – возможно, пойдут улучшения.

Эх, по-настоящему меня поймёт только тот, кто однажды сталкивался с этим: с воспитанием больного ребёнка. Все эти долбанные психологические методики о развитии позитивного взгляда на мир практически не действуют в моём случае (а часто бывают намного худшие варианты). Ведь как ты внушишь себе, что всё хорошо, если прямо перед твоим носом ходит противоположный *родной* пример?

В общем, болезнь сына усугубляла ситуацию с моим мировосприятием. Трудности закаляют тех, кто по натуре потенциально сильный, а если ты слабак изначально от природы, то здесь заведомо «пиши: пропало». Я не такой уж и пессимист, чтобы это утверждать, но вы сами оглянитесь вокруг: планету населяют в основном слабые никчёмные людишки плюс небольшая прослойка сильных мира сего – людей волевых, лидеров и т.п. «удачников».

ФРАГМЕНТ РОМАНА

После рождения сына мы с женой забыли о покое: он постоянно плакал, у него болела голова. С рук он не слезал ни днём, ни ночью, а утром ко всему прочему мне приходилось ещё и ездить на работу. Нам практически никто не помогал с обрушившимся несчастьем. С моими родителями я был в то время в ссоре (как-нибудь потом расскажу о причинах непримиримых отношений, это отдельная история), а тесть с тещей жили довольно далеко от нас – вообще в селе, на другом конце области, где у них находилось безотрывное хозяйство со свиньями, коровами и курами.

К шести годам наш сын всё-таки «начал давать улучшения». Он разговаривал и рассуждал уже, можно сказать, что приемлемо для приличного общества, с другой стороны приличное общество *всё-таки* не принимало его в нормальном смысле. Для них Кирюша был навроде *дурачка* – ох, как же это снисходительно-уничтожительное отношение бесило и расстраивало меня!.. А вот жена довольно быстро нашла выход из сложившейся ситуации: она ударилась в религию. Ежедневно я слышал из-за закрытой двери в спальню, как супруга подолгу, что-то там нашёптывая, страстно молилась своему Богу – и, признаюсь, с большим сомнением глядел на эти её тихие потуги.

А врачи почти ликовали. Они с завидной регулярностью на специальных осмотрах внушали нам мысль, что «развитие здоровья Кирилла не стоит на месте, будем наблюдать его ещё, возможно, к десяти годам мальчик выправится». Но вот по поводу того, что сын станет таким же нормальным, как и все дети, они упорно молчали. В итоге я понял: в области медицины, что бы ни говорили, – везде одни сплошные дыры, люди в ней – чистый эксперимент (как пациенты, так и сами доктора), и ещё: нет никакой справедливости, нет никакого равенства и поэтому братства. А если равенство и братство каким-то хреном *всё-таки* появится в будущем на нашей многострадальной планете, то уж точно невероятным чудесным образом извне, но только не от самих людей.

Пока я безумствовал, жена не останавливалась в своём, на мой взгляд, диком религиозном рвении. Ей уже было мало просто угрюмо-печальных молитв-бормотаний под нос, она начала ездить по святым местам: монастырям, пустыням, лаврам и т.п. богадельням. Ездить, конечно, в те возможные моменты, когда тёща с тестем забирали Кирилла к себе в село погостить.

Супруга уезжала – я сразу же срывался и начинал пьянствовать. Пил, признаюсь, всё подряд без разбора, главная цель была забыться от этого мрачного мира, где нет справедливости, и где, к примеру, один папаша, сука, радостный, подкидывает своего недавно родившегося здорового сына в воздух с криком «Сы-ын!.. Мой сын – будущий хоккеист!», а другой, печальный идиот, не может без содрогания смотреть, как над его дитём смеётся соседская ребятня

ФРАГМЕНТ РОМАНА

и выпихивает его из своего *нормального* круга, будто гонят последнюю паршивую собаку.

Однажды приехав из очередной поездки «по местам», супруга заявила, что ей, после всех этих мучений с Кириллом, очень нужно родить здоровую дочку, и что какой-то там «отец Валерий» на недавней исповеди предсказал сие. Я глядел на жену с укором и перегаром, но это нисколько не умалило тайных стремлений Зинаиды.

– Только в ближайшие месяцы, – продолжала она, – ты должен полностью бросить пить, я и сама пойду обследоваться в больницу. Наше здоровье – это здоровье нашей будущей дочки. Зачатие должно быть продуманным.

Вот это она выдала! Я чуть в глаза ей не рассмеялся, но внутренняя, оставшаяся на задворках моей поганой личины, интеллигентность не позволила обидеть бедняжку. Как же она верила в то, что говорила! И вообще, я понимаю, конечно, – она настрадалась, ей хочется теперь лучшей доли.

Я не стал сопротивляться – пусть говорит, женщина, пусть по-своему мечтает. Хорошо, когда в душе плавают светлые мечты, образы. Мне было немножко грустно, что не могу вот также верить и чего-то хотеть нового. Моя душа напоминала в тот момент почти полностью сожженную пустыню, а сердцу уже особенно ничего «такого» не хотелось. И только желчь-злоба жгла опалённое сознание: почему кому-то всё (или хотя бы маленький минимум радости жизни, вот такусенький!), а кому-то хрен на блюде?!

Итак, я не сопротивлялся, но и не спешил выполнять данных обещаний (Зинка всё же вытянула из меня слова о прекращении пьянства), днём продолжая работать на очередной работе, а по ночам крепко поддавать в ближайшей закусочной. Мне в какой-то степени *везло*: жена не слишком следила за моими действиями, она продолжала упорно молиться, днём тоже работала, а ночью, под стать всем нормальным людям, сладко спала.

К стыду своему скажу, пить я даже стал как-то ещё сильнее и бескомпромисснее – и чем больше не замечала жена мой бесовской задор, тем разнузданнее я становился. Я не чурался уже никаких вредных знакомств. Понадобилось не очень много времени, чтобы совесть моя стала настолько пьяно-запиртованной, что в ход пошли знакомства, помимо конченных алкашей, с первыми попавшимися приبلудными женщинами, – с этими нездорового вида бабищами, в угаре, где придётся (бывало, что и прямо в подъезде, около вонючего мусоропровода) я занимался всяческими жуткими непотребствами.

...Однажды поутру я лежал, подыхая с похмелья, и меня словно проняло: в последние месяцы в пьянстве моём совершенно нет никаких перерывов, и что в такое важное время, как зачатие ребёнка, я словно бы совершаю всё наоборот максимально вредное, а не благое. Когда я это понял, то пришёл в настоящий

ФРАГМЕНТ РОМАНА

ужас, и вот здесь бы и блеснуть раскаянию, но в сей же момент из туалета вдруг выпорхнула, яко голубка, моя супружница Зинаида с заветной полоской лакмусовой бумажки и радостно помахала перед моей опухшей харей:

– У нас получилось!

«Твою мать!» – подумал я, а вслух сказал:

– Ты о том самом?..

– Да, о том самом! Ха-ха!

– Пп..оздравляю, любимая!

– Ураааааааа!...

Вот она, насмешка судьбы! Долгие месяцы всех этих грёбаных актов зачатия дали о себе знать, и моё сомнение на счёт «получится – не получится» перебила стойкая вера жены и ещё чего-то, что сильнее нас, смертных, грешных. Сама природа сюда вмешалась, или, может, он – Бог помог? Я сопротивлялся и не хотел, но в конечном итоге моё мнение не сыграло важную роль в таком *ихнем* деле.

Узнав о беременности жены, я, конечно, некоторым образом удивился этому (как будто бы затяжной загул ежедневно доказывал мне, что такого – ну просто не может случиться!). Скажу, не тая, – и если раньше это были просто неприятные мысли по поводу безудержного свинского пьянства, – то теперь уже по-настоящему врезал мне апперкотом в самую совесть страх по поводу здоровья будущего ребёнка. Что хорошего вообще могло народиться у нас с женой, если последние полгода – год я травил своё тело этиловым ядом?!

Правда, погоревав несколько дней, я снова утопил разыгравшуюся совесть в вине, водке, пиве, неразбавленном спирте, одержимо ездил от одной любовнице к другой. Вот такое вот интересное раскаяние...

Шло время, плод рос в жене, плод периодически обследовали врачи... и не находили ничего отрицательного в его развитии. Зинаида жила ощущением приближающегося счастья материнства, я ж видел мир чаще всего с пьяной изнанки. Как ни странно, с работы меня не гнали; я сдружился с начальниками, мы часто выезжали на природу пить и развратничать с их секретаршами. Любили ещё в бани ездить, по кабакам – я отвечал за роль главного заводилы и игруна на гитаре, а также певуна во весь свой «цыганский» голос. Было весело, интересно, алкоголь грел тело, тело забывало о несправедливости жизни, пустыня души зацветала искусственными огнями псевдосчастья.

...Пришло время, и у нас с Зинаидой родилась дочка. Да, дочка – как и хотела жена. Дочку назвали Раисой (не знаю, почему именно так, имя Зинка выбирала). Хорошенькая, здоровенькая – ну, просто загляденье, а не девочка! День ото дня я млел и заглядывался на неё.

ФРАГМЕНТ РОМАНА

И о чудо: как-то так получилось, пьянки мои постепенно прекратились, голова стала трезвее, тело почувствовало неожиданную лёгкость. Снова захотелось жить, появился новый смысл – просто приходить после работы домой и глядеть на Раю. Или же трогать её, тискать, целовать, играть и т.п. набор обычных родительских ласк, которых заслуживает любой ребёнок, они проявляются от естественного чувства любви. Я стал тем *радостным папашей*, что мог бы подкидывать ребёнка над собой с классическими криками счастья всех отцов в подобном состоянии (опьянения?).

...Однако какие-то три-четыре года, следующие далее в моей никчёмной биографии, *всё-таки* охладили пыл новоиспечённого родителя. «И всему виной деньги, то есть отсутствие их!» – к такому классическому выводу всех тупых неудачников я пришёл, забираясь во всё большие кредиты, и также после того как отдал свою жизнь на службу Великой Ипотечке.

Короче, вот вам картина маслом, или правильнее сказать картина, написанная какашкой. Отдельные фрагменты её ужасны, хотя, признаюсь, в ней и есть места приятные – например, моя дочь Рая, а ещё некоторые безымянные стихи, которые так и остались лежать «в столе», словно древний хлам, забытый на чердаке.

3.

Однажды я решил в одно мгновение полностью изменить пространство вокруг себя. То есть, больше не ползать на коленях перед сильными мира сего, а самому стать господином. Во всяком случае, денег в ближайшее время у меня должно быть много. Очень много. Предостаточно. Чтобы хватало на всё и с излишком.

У меня был друг Вася, однажды по-пьяному делу он предложил грабнуть инкассаторов.

– Я тебя уверяю, – внушал он мне за столом, мы пили водку в кафе, – ничего в твоей жизни не изменится! Будешь и дальше пахать за копейки. Дома недовольная жена, дети, которые растут и тоже требуют вложений – ну, ты сам знаешь, ничего нового я не говорю. Будешь тянуть свою ляжку, пока копыта не отбросишь. И работа твоя – сейчас она есть, а завтра нет. Что-то пойдёт в твоей фирме не так и тебя первого выкинут на улицу, потому что ты трудоустроен не официально. Да и с теми, кто официально устроен, тоже ничего хорошего не будет: всех как-нибудь выпихнут, это делается очень легко при желании.

– Зачем ты мне это сейчас говоришь? Мозги компостируешь, – вытягиваю я пьяным голосом, у меня депрессия. – Какой вариант сам-то предлагаешь?

– Я с тобой очень серьёзно говорю. Ты мне как брат... Помнишь, и меня выкинул Саныч на улицу, когда я стал ему не нужен?

ФРАГМЕНТ РОМАНА

– Да я всё это понимаю, Васька. Ты мне тоже как брат...

– Ну, вот тогда и послушай, братан, что я тебе сейчас скажу, – Василий притянул мою голову к своей и тихо прошептал на ухо: – я эту схему давно продумал. Она крепкая и в тоже время очень простая.

– Какая ещё схема?..

– Дослушай, Олег, дослушай. Я давно уже наблюдаю, как к одному автохаусу ездит инкассация.

– О чём ты вообще... Ты с ума сошёл?! – чуть не крикнул я Васе, сразу уловив ход его преступных мыслей. Но Вася только сильнее вцепился в мою шею и своим языком практически залез в самое ухо:

– Ты дурак или прикидываешься? Хочешь всю жизнь пресмыкаться перед этими гандонами Михалычами и Санычами? От жены по башке сковородкой получать? А я тебе дело говорю. Я внутри этого автосалона несколько раз бывал, он охрененно крутой, понимаешь, – немецкими «аудюхами» торгует, у них страшные выручки. Вот, смотри, у меня есть график приезда инкассаторов. Месяц следил за ними, во сколько приезжают – уезжают.

– Вася, у тебя очень легко всё на словах получается, – возразил я. Но честно признаться, что-то приятное кольнуло нутро: да это точно был своеобразный выход из положения. Не новый, конечно, за тысячелетия развития человечества, и крайне опасный, – Вася, в реальности мы столкнёмся с двумя накаченными амбалами с «пушками», перетянутыми со всех сторон бронежилетами, обученными именно на такие дикие случаи...

– Ну и что? Ну и хрен с ними!

– А вот и не хрен, Вася, не хрен. Они ведь не захотят, чтобы мы забирали у них...

– Это не важно, что они там захотят. Из машины выдут двое охранников – и нас будет двое. Я дам тебе «ствол», у меня будет такой же. Я помню, ты отлично стреляешь – ты всегда меня поражал своей меткостью – нужно только немного потренироваться, почувствовать руку. Талант не пропивается, Олежка!

– Да твою же ж мать, я не собираюсь ни в кого стрелять!!! – горячо, зло и как можно тише зашептал я Ваське. Что он мне здесь впаривает, благоразумие начало брать вверх, – одно дело в тире ради призов-игрушек в цель палить, другое дело...

– Мою мать или твою – это уже не важно, братан. – Контратаковал мой друг, он тоже начинал злиться. – Главное, ради игрушек, денег и ещё ради кучи всяких удовольствий я готов... ну, ты понимаешь, что сделать... не будем здесь орать вслух. А ты, признайся честно, просто ссышь!

– Не ссу я!..

– Ссышь!

ФРАГМЕНТ РОМАНА

– Не ссу – я сказал.

– Ну, вот если не ссышь, то и не ссы.

– Не ссу.

– Ну, может чуть-чуть подсыскаешь – просто признайся по дружбе.

– Улыбочка мне твоя скотенькая что-то не очень нравится, сейчас я тебе по роже вот это пепельницей дам – и узнаешь, кто здесь подсыскает!..

– То-то же, вот так держать, почувствуй себя мужиком. Ну что, ты со мной в команде или как?

– Я должен подумать. Командир здесь нашёлся...

– Думай, конечно. Ты только пойми, я тебе доверяю больше чем кому-либо, мы друзья и всё такое. С другим кем-нибудь вообще, может, и не связался. А один на такой риск я не пойду. Мне нужен ещё кто-то.

– Это всё понятно, я тебе тоже доверяю, и идея эта по-своему хорошая...

– Ну же, а я о чём! – обрадовался Василий, сволочь такая.

– Но я всё равно должен подумать.

– Да, подумай.

– Подумаю.

Я вздохнул. Вася налил нам водки «по-маленькой». Молча подняли рюмки, молча чокнулись, привычным движением залили беленькую гадость в глотки. Вася победно улыбался блестящими глазками – а мне надо было что-то решать с этим вопросом: быть или не быть, – неужели становиться преступником, вот так, с лёгкой руки, или всё же прислушаться к голосу разума? Хотя, что тут решать, если и так всё понятно.

...Очередная порция дерьма в моей жизни (в том смысле, что я неожиданно потерял более-менее оплачиваемую работу), в одночасье переполнила чашу весов терпения. И недавний разговор с Васей дал мне непростой, но точный ответ, что нужно делать в сложившейся ситуации.

4.

Подготовка заняла какие-то дни. Мы сильно торопились. Подгонял блуждающий по крови адреналин, а также непередаваемое по вкусу чувство того, что мы наконец-то совершим что-то выходящее за рамки дозволенного.

Почему-то в обществе всегда дозволено слишком мало, а хочется в противовес намного больше этого грёбаного мизера, который, конечно же, не удовлетворяет практически никого из смертных, однако редкий смельчак посмеет сожрать дополнительно чего-нибудь кроме, условно говоря, нормированной выделенной «пайки» в день.

Посему наш с Васей предстоящий решающий день должен был переродить ход всех последующих (изначально скучных) дней в интересной и насыщенной жизни, что нас ждала буквально за «тем» счастливым поворотом.

ФРАГМЕНТ РОМАНА

Итак, не стану томить ожиданием, лучше буду в этой искромётной истории адски краток и изложу фактическую выкладку произошедших событий.

Вася оказался прав. Машина с инкассаторами прибыла согласно своему обычному графику. Двое крепких мужчин в соответствующем камуфляже вышли и в нужном темпоритме, как в хорошо разыгрываемой театральной постановке, проследовали внутрь автосалона. Мои ляжки тряслись, я с трепетом сжимал пистолет в руке, словно поэтическую авторучку в момент написании гениального стиха. Разница была только в том, что грудь томилась не волнительным вдохновением, а диким страхом последнего отчаявшегося грешника, который посмел встать на путь великого Гопстопа.

5.

Опупеть – всё произошло быстрее, чем я понял, что, собственно, произошло. Парни-инкассаторы не захотели отдавать мешок с деньгами.

На лицах у них возникла неопределённость и явное замешательство, они, видимо, как-то и не ожидали встретить гопников. Один из них даже, кажется, решил пальнуть в меня, но я оказался незамедлителен в ответном решении: мой взвинченный мозг подал молниеносный импульс руке с пальцем на курке, а та произвела сухое многократное нажатие по целям. Всё как в тире! В смертельной очередности сначала более крупный мужчина отлетел в сторону, затем шархнуло инкассатора, что был помельче.

Я плохо осознавал произошедшее в эти несколько секунд, а Вася срывал глотку испуганным криком «Уходим! Уходим, твою мать!», он хватал меня за свободную от пистолета руку и за плечо, и я всё-таки побежал за ним...

Мы неслись по улице вперёд – по-моему, я слышал за спиной звуки выстрелов или это мне только мерещилось. Я ещё как будто не верил в совершенную хренотень и словно пытался на нечеловеческих пределах скоростного бега заводить ноги до максимальных результатов. Я обогнал Васю, его пальцы сжимали инкассаторскую сумку, но я вообще не обрадовался ей.

6.

В таких делах время попросту останавливается. Оказывается, я был не готов убить человека. Тем более – двух. Точнее, когда я шёл на гопстоп, я совершенно не думал, что кого-нибудь укокошу. Повторяю, перед вами тупейший осёл. Перед вами, перед самим собой (я вижу себя сверху, лежащим как на блюде), перед всей вселенной. Ах, зачем было слушать этого Васю! Удружил ситуацию, удружил. Подбил меня на неё, и кто стрелял в итоге – не он, конечно, а я, тупорылый кретин. А он сейчас ходит по комнате туда-сюда, словно бы сильно переживает и всё время порет какую-то чушь.

ФРАГМЕНТ РОМАНА

– Нас не найдут, ты не бойся! Они не знают, кто мы – мы ведь были в масках. Свидетелей особых не было. Никто, кроме нас, о нас не знал, так что ты не переживай. Но ты понимаешь вообще, сколько в этом мешке! – И он с над-рывом улыбается сквозь страх в глазах. Ах, этот чёртов страх в глазах всегда выдаёт дураков преступников.

Я лежу на кровати в чужой квартире. Её снял Вася несколько дней назад, до того, как всё это случилось. Мы здесь отсиживаемся, по его словам. Но по-настоящему отсиживается только он, а я... я просто душевно умираю. Мне не нужны деньги, что лежат там, в мешке, сколько бы их ни было, – мне нужен покой.

7.

– Олег, Олег, проснись! – я с болью открываю глаза, Вася смотрит на меня, чему-то радуется. – Олег, хорошие новости. Во-первых, похоже, у следаков нет никаких зацепок, они даже фотороботы не смогли нарисовать, а во-вторых, один инкассатор *всё-таки* жив!

Если бы я мог в это мгновение ударить Васю в морду, то с невероятным удовольствием тут же сломал бы ему нос. Но, увы, мне сейчас так плохо, что даже смотреть на него не могу, он мне противен, гад, хочу, чтобы он провалился на месте.

Конечно, почти приятно осознавать, что один из охранников оказался жив. «Почти» – это тоже интереснейшее слово. Оно вам не гарантирует полного удовольствия, а заявлено в мир как бы под видом добродетели. Короче говоря, к чёрту все эти новости, Васю, деньги, к чёрту людей, с их неравенством и братством, к чёртовой бабушке отправляю я эту вашу справедливость – её нет, её не существует в мире, даже если у тебя в руках зажата туго набитая банкнотами инкассаторская сумка.

8.

Хотя в таких делах время вроде как останавливается, и я думал, что скоро умру от душевных мук, самокопаний, ответов без ответов и прочей бяки, – жизнь сама собой по внутреннему идеально отлаженному механизму текла тихой реченькой вперёд.

Речка текла, я ж был подобен камню: чаще всего пребывал в горизонтальном положении на диване. Иногда Василий уговаривал меня поесть, помыться и т.п., совершать самые различные, подчас пустяковые вещи, что могут вселить надежду на какие-то изменения в траектории движения человека, оказавшегося в беде, – движения, конечно же, весьма замедленного по количественному состоянию в пространстве. Да, да, так бессмысленно и в то же время, верно, выглядит она, туго дающаяся нам, грешникам, надежда.

ФРАГМЕНТ РОМАНА

Иногда я плакал, иногда размышлял. Картины моих прошлых глупеньких лет прыгали друг на дружку, мешались в колоде карт, галлюцинации засасывали в свой яркий мир, где царили быстро меняющиеся интриги полуживых образов, не то людей, не то чудовищ. В лощинах сна там цвели под чёрным космосом наэлектризованные травы, шевелились гулы голосов, собираемые со всей планеты кем-то извне в огромные горсти, – я словно бы видел прошлое и накладывающееся на будущее настоящее. Я сильно болел...

Мне не давали покоя эти двое охранников-инкассаторов. Они регулярно являлись ко мне в комнату и садились в изголовье. Они молчали, молчали, молчали. Комната, и так постоянно пребывающая в полумгле, в такие минуты просто заливалась тоннами обрушивающейся черноты. Моя душа робела, маленьким серым комочком она пыталась бегать по коридорам лабиринта тела, и при этом постоянно чувствовала, как эта мрачная парочка двух гигантских истуканов глядит на неё сверху, рассматривая каждый трепещущий импульс, исходящий от бедняжки.

Всё чаще и чаще стыд совести обостряли параноидальные мысли-сомнения.

Зачем я родился? Зачем как-то там жил, прыгал себе, по-блошиному, однако же – о чём-то мечтал, мог различить красоту и грязь, мог написать об этом стихотворение. Временами ленился, бездействовал, и в конечном итоге, будучи слишком задумчивым мечтателем – прогнулся к земле так сильно, что не сумел крепко удержаться на ногах.

Времена затянулись, молодость ушла, надежды выветрились. И всё равно можно ещё было внутреннему стремлению к прекрасному дать возможность вырваться на свет! Творческий фонтан тогда бы забил новым ощущением свободы – но всё решилось другим способом. Проблему была увидена мной не с той стороны: с земной. Просто тупо с голодухи захотелось пищи не духовной, а настоящей. Мяса захотелось, насыщения вкусов всех основных чувств и как продолжение – удовольствий, что изобрело человечество за последние несколько тысяч лет.

Столько времени прошло, пока я рос, развивался, мечтал, проходил через радости и горести, а убийцей стал за считанные мгновения. Раз! два! – прозвучали выстрелы – двое упали замертво. Ныне они глядели на меня, прожигая взглядами сквозь ночь, время и пределы разных миров: нашего и загробного.

Вася говорил, один из них выжил – тогда почему приходят два фантома? Может, выживший охранник находится в коме, и у него никак не получается выбраться на поверхность физической реальности?

Ужасно.

Я схожу с ума.

ФРАГМЕНТ РОМАНА

Итак, итак, итак... Продолжим мысль.

Помимо себя любимого, которого я сейчас оплакиваю, не нужно забывать действительно тех, кто пострадал от этого уroda. Весь такой бедненький несчастненький «любимый урод» собственными руками решил судьбу двух незнакомых ему людей, правильнее сказать – порешил их, пролил кровь, – и во имя чего!.. Мешка денег и будущих сомнительных удовольствий, сомнительных – да потому что совесть с момента как он стал убийцей, ежесекундно неслышно шепчет поганцу в ухо: «Ладно, если бы деньги свалились тебе как манна небесная на голову, но ведь за них кто-то в данный момент лежит, зарытый в земле! (или, к примеру, не может выйти из комы)».

Невозможно терпеть!

Как же больно...

Сердце стучит, душа трепещет...

Утро больше никогда не наступит...

Из угла слышится грустный голос невидимого диктора:

«После совершённого поступка светлые образы красоты сразу померкли для него, словно бы общую картину замазали одной единственной краской смерти, и получилось подобие «чёрной дыры», или «Чёрного квадрата Малевича». Легко впечатлительный импрессионизм был побеждён плито-могильным авангардизмом».

– Уходите! Уходите! Уходи-ите!.. – кричу я диктору и двум мертвецам, закрываю от них глаза, лезу под диван – нет, конечно же, нет, они всё равно стоят где-то рядом, и молчат, молчат, молчат.

9.

– Олег, Олег, проснись, хватит спать! Не надоело тебе ещё? – снова слышу я голос Васи, он регулярно меня тормошит и уговаривает подняться.

– Пошёл ты, я ж тебе уже сказал, чтоб ты валил... – Как обычно отвечаю ему, но он не отцепляется.

– Мы с твоей женой Зинкой нашли, как тебя вылечить!

– А, твою мать, ты уже всё этой дуре рассказал... Ну поздравляю, скоро про нас весь город узнает.

– Не узнает, она ведь понимает, как в такой ситуации важно молчать. Она не враг себе и детям.

– Ага, она понимает, конечно! Хе-хе. Наивный.

– Дурень, она ж за тебя переживает.

– Святая доброта. Молится за меня, поди... – я закашлялся.

– Хватит тут из себя строить, – возмутился Вася, – весь такой герой, мучается, лежит, голодовку объявил... Че Гевара, мать твою!

ФРАГМЕНТ РОМАНА

– Да пошёл ты, козёл! – крикнул я, дёрнув в его сторону кулаком, чтобы достать и дать в морду. Василий отскочил, продолжив орать метрах в двух от меня.

– Короче, слушай, дебил, сюда, мы тебе добра желаем! Твоя жена нашла одного хорошего доктора, он может почистить в твоей тупой башке память – да, такие операции, оказывается, уже несколько лет делают. Так что почистят тебя, дурака, и забудешь ты напрочь обо всех своих переживаниях, и о том, что случилось в тот день. Будешь жить себе преспокойненько и денежки тратить. С Зинкой в Новую Зеландию уедете.

– В какую ещё Новую Зеландию? – поднимаю голову от подушки.

– В самую настоящую – денег-то теперь на всё хватит.

– Почему именно в Новую Зеландию – что за бред?

– Это Зинка туда хочет переехать на ПМЖ.

– Вот дура-то!.. Как мне всё это надоело!

– Что тебе надоело? Тебе, значит, здесь лежать-вонять не надоело – а в такую замечательную иностранную страну ехать не хочется. Кто ты после этого?

– Уйди, прошу тебя! Уйди по-хорошему! – взмолился я. – Я никуда не хочу ехать, валите без меня (всё они уже там решили, молодцы). Мне и здесь неплохо. Я вообще скоро сдохну, так что можете пожениться и нарожать кучу детей.

– Ну, если ты по-хорошему не понимаешь, – услышал я вдруг от Васи новую интонацию в голосе и не предполагал, что будет дальше. А дальше я резко почувствовал, как в плечо что-то кольнуло. Открыл глаза – передо мной стоял, ухмыляясь, какой-то врач в белом халате со шприцем в руке. По бокам его яркой фигуры вытарчивали бледно-напуганные «трафареты» верного друга Васи и супружницы Зинаиды.

«Значит, будете мне память чистить, – подумалось мне. – Гм-гм. А почему бы и нет? Отрежут доктора кусок мозга, и забуду я все печали свои, все невзгоды, начну жизнь с нуля. Поедем с Зинкой и детьми в Новую Зеландию, в Австралию там или на Филиппины, купим домик на берегу океана, выучим местный диалект, фрукты станем жрать, мясо жарить – диких кабанов и кенгуру, слушать пение экзотических птиц, ничего не боясь – плодиться и размножаться с Зинкой, потому что денег теперь у нас навалом! Чем не жизнь?».

Тишина и покой накрывали меня впервые с тех пор, как начал мучиться по поводу содеянного. Сон обезболивающим лекарством приятно сковывал тело; душа, засыпая, увидела новый мир блаженных образов, потусторонних лёгких красок; гул земли заглушил мысли, мысль была теперь общая – нестись вперёд быстрее света по придуманной кем-то траектории...

10.

– Зин, по-моему, у него это опять начинается! – Вася звонил по телефону. Трубка в руке Зинаиды сразу задрожала.

– Что... что ты говоришь... – Женщине поплохело, а ведь она уже собрала сумки и чемоданы, Новая Зеландия манила её океанским солнышком на бережку.

– Говорю, у Олега снова началась депрессия.

– Депрессия?

– Да, депрессия.

– У меня последние десять лет – одна сплошная депрессия, пока живу с этим охламоном! – злобно закричала она, – ничего страшного, ничего с ним не случится! Пиво попейте, хоккеем посмотрите. Что, мне вас, мужиков, учить, как расслабляться?..

– Ты не понимаешь, что ли? Зина, ёперный театр, голову включи – к нему память, кажись, возвращается! – гавкнул на Зинаиду Вася. – Про пистолет меня спрашивал. Всё время ноет, что убил двух людей, и типа они к нему приходят по ночам, прыгают на шею и душат...

– О, Господи!.. Но это... это невозможно, доктор Шварц говорил, что ему полностью вырезали воспоминания о том, как он... как он...

– Понятно, о чём. Да, он так говорил. А ещё он говорил: после таких операций по статистике есть несколько процентов случаев с побочным эффектом. То есть, хотя воспоминания определённые и вырезали из памяти, через энное количество времени они могут «всплыть» в другом её месте.

– Так ведь их вырезали – как они могут всплыть, я не понимаю! – захныкала Зина.

– Я сам не понимаю. Значит, могут. По всей видимости, их до конца нельзя убрать, что-то от них и остаётся в мозге. Ты слышала о таких случаях, когда люди, потерявшие память, спустя десять или двадцать лет неожиданно вспоминают свои имена, узнают родных и близких?

– Да, по телевизору как-то передачу показывали. – Зинаида задумалась. – Слушай, Вася, а давай Олега ещё раз на операцию положим?

– Думаешь, второй раз поможет?

– Поможет, конечно. Я надеюсь...

– Шварц нам тогда конкретно сказал: операция крайне опасная. Я и в первый раз боялся, что Олег дурачком останется. Это ведь ножом в мозг лезут – это тебе, Зина, не ноги брить свои волосатые!

– У самого у тебя волосатые, алкаш! Только бы водку жрать, Олега моего спаивал!

– Ничего я не спаивал!

ФРАГМЕНТ РОМАНА

– Спаивал! Спаивал! И по девкам шлялись всё время, кобели проклятые!

– Ну, не ругайся, Зина, не ругайся, тебе не идёт, лучше иди, помолись!

– Ах, ты ещё и издеваешься! Скотина! – она бросила трубку.

Вася через несколько минут перезвонил.

– Ладно, Зина, ты прости меня, это я не со зла сказал, просто сам на взводе из-за всего этого. Нервы сдают.

– Нервы у тебя сдают? Ах, ты бедненький, несчастненький! А кто виноват, что всё это случилось – я что ли?! Фильмов про бандитов насмотрелись! Молодцы, ребятки! Решили подзаработать денежек! – Кричала женщина.

– Что сделано – то сделано, Зина. Всякое бывает...

– Всякое бывает?! – и она снова бросила трубку телефона.

Вася опять подождал чуть-чуть, потом перезвонил – Зина горько плакала.

– Ну, не плачь, не плачь. Давай лучше нормально поговорим, – уговаривал её Вася, – ты что-то там сказала по поводу повторной операции. Да, ты права – возможно, попробовать и стоит, с другой стороны – страшно.

– Я тут подумала... – Женщина громко высморкалась в платок, – зачем нам так рисковать и сомневаться, если можно полностью решить эту проблему.

– Ты это о чём? – насторожился Василий.

– Ну, взять и удалить ему всю память из головы.

– То есть вырезать полностью кусок мозга, отвечающий за память?

– Да.

– Эге, вот ты до чего додумалась!

– А что такого?

– Я, конечно, не врач, но могу тебя уверить, – во-первых, шансы, что он сделается дурачком или вообще коньки отбросит после операции, увеличиваются ещё, хрен его знает, во сколько раз. А во-вторых, он забудет и тебя, и детей, и вообще кто он есть! Ему, как ребёнку, нужно будет всё объяснять заново...

– А я ему и так десять лет говорю, на какую полку в шкафу постиранные носки с трусами кладу, и он десять лет не может это запомнить! Ничего – справлюсь.

– Вот ты, Зина, извини – извини, конечно, но ты – дура.

Зина в очередной раз бросила трубку, а Василий, хоть больше и не перезванивал, однако крепко задумался над словами жены Олега.

– А, может... – Произнёс он, наконец, после того, как с полчаса непрерывно смотрел в окно на улицу. Там потихоньку начиналась весна: капель оживляла город приятным постукиванием тающего льда, солнце то проваливалась в решето заветренных облаков, то снова уходила само в себя, будто бы

ФРАГМЕНТ РОМАНА

тоже задумывалось о дальнейшей судьбе человека – нужно ли ему больше света, или так пойдёт – хватит.

– Да, она права – так будет лучше, – вздохнул Вася и снова «набрал» Зинаиду по телефону.

11.

В своих воспоминаниях и представлениях я разделился «до» ужасных событий и «после» них. Разделился как бы сам по себе, – не специально, а просто это мозг провёл некую условную черту пунктиром: он, вконец измучившись, не смог решить внутренний конфликт противоречий.

«До» ужасных событий я был, хотя и говёньким человеком, но всё же человеком: я мог быть хорошим, мог быть вредным, – ну да, не идеальным, а таким, каких людей вокруг пруд пруди. Я страдал, не переставая мечтать о чудесном избавлении от проблем. Жил глупо, надеясь, что завтра будет лучше, чем вчера, и самое большее по количеству того, что делал изо дня в день – не думал головой, не думал по-настоящему.

Именно поэтому вторая часть, следующая «после» убийства охранников, вызвала во мне настолько сильное потрясение, которое заставило проснувшийся мозг соображать с новой удвоенной скоростью, – и в противовес неизменно мелочной обывательской среде, откуда я как-то резко выпал – почти остановить для меня жизнь, протекающую во внешнем времени.

«После» ужасных событий я совершенно стал другим. Не хотелось мечтать, чувство вины грызло толстой крысой, что неспешно выползала из своей норы в моменты, когда ей заблагорассудится. Не хотелось идти дальше по жизни, всё стало таким ненужным и бессмысленным. Удовольствия не грели возможными радостями, деньги во всех представлениях о достатке сыпались прахом из дрожащих рук. И не смотря на то, что я всегда был практикующим атеистом, личным примером «попиравшим» любые упоминания о потусторонних сферах, в этот раз гости из другого измерения (двое друзей-инкассаторов не отцеплялись от меня) безо всяких прелюдий и красивых слов оказывались рядом, тараша на меня свои печальные глаза. А у одного из ребят был откровенно злобный осуждающий взгляд с насупленными к переносице бровями!

Я мог бы, конечно, претвориться внутри своего испуганного естества и проигнорировать присутствие мертвецов, однако они, если я отказывался замечать их, очень быстро напоминали о себе воинственными физическими действиями. Парни метали в меня стулья, ложки, вилки, ножи, опрокидывали стол, открывали-закрывали дверки на шкафах, выбрасывая на пол тарелки и любые под руку попавшиеся вещи, разрушали всё на своём пути – и я сразу их замечал!

ФРАГМЕНТ РОМАНА

Но по-настоящему особенно страшным и пугающим из всего этого дерьма были ночные явки мертвых инкассаторов: тогда они кидались мне на грудь сами и давили шею, душили и что-то хищно нашёптывали. Как-то я лежал на спине в полудрёме – и вдруг со всей силы получил удар по яйцам, прошедший с продолжением дальше через всё туловище в голову! Такой необычной боли я не испытывал никогда.

Увы, операция доктора Шварца совершенно не помогла. Наоборот, парочка моих отмороженных призраков после этой нелепой искусственной попытки забыть о преступлении, кажется, разозлилась на меня ещё больше. Они одним своим видом постоянно напоминали мне, кто я такой, – а с недавних пор не давали покоя уже все двадцать четыре часа в сутки.

В полумгле комнаты они шептали то по-русски, то ещё по-каковски ужасные проклятия – непрекращающийся ни на секунду трепет стал единственно устойчивым состоянием их узника. Без сна и нормального питания состояние моего здоровья ухудшалось с каждой днём, к тому же парням стало доставлять удовольствие периодически избивать меня. А ещё мёртвым инкассаторам нравилось дёргать свою жертву за руки и за ноги, подбрасывать в воздух – и прочая клоунада.

Казалось, ими кто-то руководил. Он, этот «кто-то», словно бы всё время находился на заднем плане, невидимый, настойчиво экспериментировавший с пытками, – я чувствовал, что он улыбается в темноте, фашист. Он улыбался, я дрожал, парни бесчинствовали, комната превратилась для меня в сумеречную зону ада. Никакого просвета, никаких моих попыток что-либо изменить – человечество осталось где-то позади, для людей и их законов я был безвозвратно потерян, я не смел и думать о возвращении.

12.

Но человек не может жить без надежды. Надежда для него в критические моменты жизни обычно является в двух ипостасях: 1. конкретизированная, с чётко понятным спасительным исходом и 2. аморфного происхождения, когда ты не видишь, что бы могло вообще помочь ситуации – при этом всё равно веришь в спасение.

Является ли надежда к тебе откуда-то свыше или же ты сам веришь в неожиданно положительный пересмотр событий в фабуле жизни – не станем сейчас вдаваться во все эти тонкости духовных перипетий. Главное для того, кто страдал, лёжа в сумеречном аду, – чистая изначальная надежда грешнику, которому бы указали путь из его мучений.

Доведённый почти до суицидного состояния, я нашёл в себе силы лишь на аморфное избавление. Однажды, то ли утром, то ли вечером (в окне было неясные полутона), когда призраки на некоторое время свалили куда-то, я

ФРАГМЕНТ РОМАНА

вскочил на ноги, и насколько мог ими устойчиво перебирать (ведь здоровье совсем пошатнулось, я ослаб), понёсся прочь из дома на улицу.

На улице я мало кого встречал из прохожих, и, можно сказать, избегал любого, кто бы напоминал по облику человека – моё личное «человеческое» было сейчас неясно, хотелось просто избавления, а не напоминания. И вот я бежал вперёд, как бежит стадо антилоп к воде.

Весеннего холода почти не чувствовалось. На мне была мягкая футболка, какие-то трико, на ногах – лёгкие кроссовки. Характерный местный пейзаж представился в обрывочных мазках: грязный снег, лужи, оттаявшие собачьи кашки, редкие голые деревья и кусты, ветер по ушам, свежесть воздуха, серость неба, непонятное время суток.

Непонятым оно было именно для меня, остервенело бегущего. В голове перепутались прошлое и настоящее, полученные знания и осадок преданных чувств обывателя, юность и зрелость, глупость и познание истины; духовный распад на вселенские «атомы» перепутал меня и *лже-меня*, – о каком понимании суток вообще шла речь?! Инстинкт самосохранения боролся с острой жаждой смерти.

Я думал сейчас вот о чём. Когда-то, когда я был маленьким, я дружил с одним мальчиком – звали его Лёшей. Мы росли в одном дворе, играли всё время вместе, а иногда сматывались из-под не сильно бдительного родительского ока куда-нибудь в «гаражи» или в лес. Ну, по возрасту, мы являлись не настолько мелкими малышами, чтобы за нами нужно было особенно следить. Зачастую мы возвращались обратно во двор – и наши мамы даже не понимали, что пропустили отсутствие своих детей. Мамы всю занимались домашними делами, лишь изредка выглядывая в окно, поглядеть, на месте ли их чада.

Самые прекрасные воспоминания того времени теперь манили меня снова в лес. Мальчишками мы убегали в лесопосадку, чтобы немного забыть о городе, бродить там, в тишине без шума автомобилей, без запаха гари, без криков истерических улиц. Здесь мы ощущали блаженство покоя среди длиннющих свободолюбивых сосен, поскрипывающих друг к другу как мирный сосед к соседу, а дружественно настроенные ко всем проходящим мимо путникам дубы тянули для пожатия свои благородные руки, с монаршей высоты теряя листочки и будто бы драгоценные камни – желуди.

В лесу можно было обнаружить представителей иного мира: животных. Известно, дети охотнее интересуются тем, что вокруг, чем взрослые. Детям многого не надо, чтобы восторженно удивляться. Так вот, и не сильно разнообразная фауна нашей лесопосадки вызывала жуткие (в хорошем смысле) восторги маленьких первооткрывателей – меня и Лёши. Детское воображение, как теперь я помню, увлекали спортивные прыжки по ветвям белок-гимнасток,

ФРАГМЕНТ РОМАНА

старательный долбёж дупел дятлами, и также уморительный вид подгулявшего лося на полянке, куда под осину он по привычке всех лосей в мире наваливал кучку добрых кругляшей.

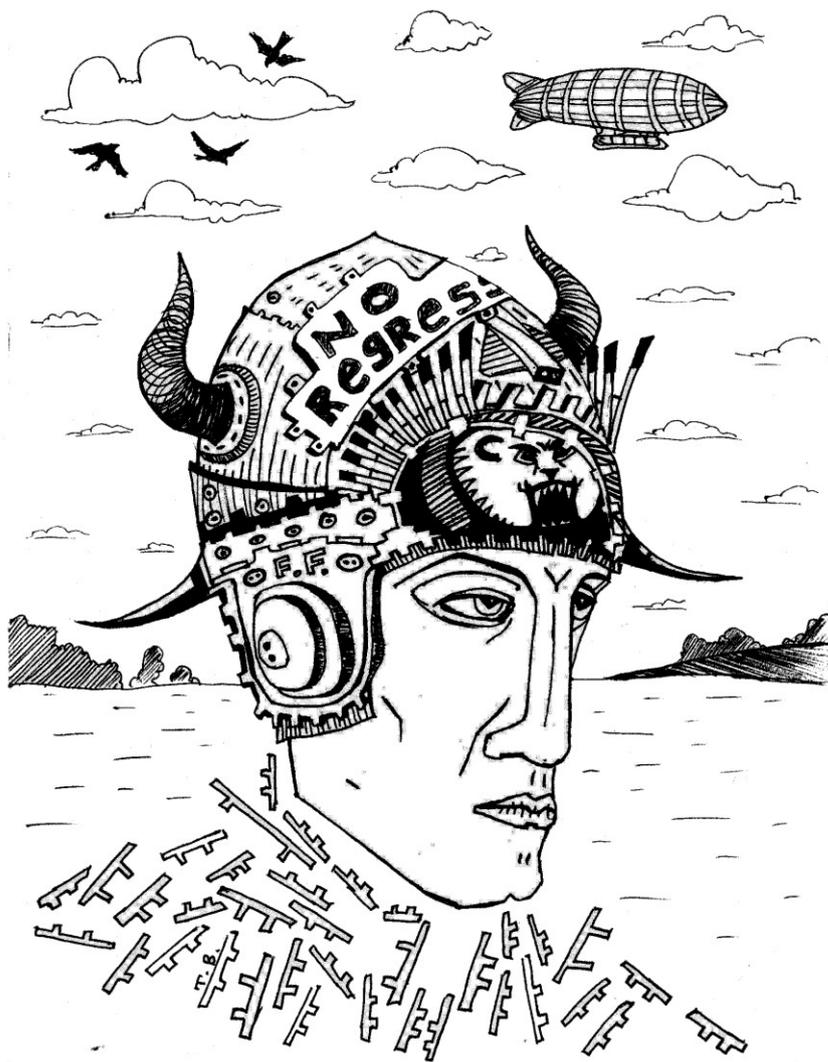
А ещё мы любили полазать в землянках, созданных природой. Над некоторыми из них заботливые руки лесных бичей вили домики из веток. В домиках дяденьки спали, жили, а днём уходили, видимо, на охоту. Поэтому, пока они отсутствовали, мы с Лёшкой всегда норовили залезть в их импровизированные хижинки, чтобы с удовольствием посидеть там и «побалдеть». Меня может понять любой ребёнок – как же это приятно спрятаться в такой особенный первобытный дом, который отличается от привычной квартиры, где всё выверено умной цивилизацией. Спрятаться туда – это значит, сменить атмосферу жизни, ощутить себя свободнее и проще...

Я вспоминал ушедшее лёгкое время бытия – и сердце моё стучало даже быстрее ритма бега к ненастоящему водопою. Но куда же я бежал, если впереди нет возможности насыщения жажды духовно раненного преступника?

Я очнулся от своих детских воспоминаний и внимательно взглянул перед собой. Конечно же, как могло быть по-другому – я приближался к тому самому лесу, что с детства манил своим таинственным высвобождением от человеческих бед. Там меня ждёт тихий покой и, возможно, если повезёт, я найду один из спрятанных в низинах свитый из веток уютный маленький домик. Домик станет для меня убежищем... и призраки не смогут больше терзать, мучить – только в домике я спрячусь от зла этого мира и «того».

...Ворвавшись в лес, безумный человек с радостно подрагивающими губами бежал ещё долго куда-то и упорно. Он словно знал, куда бежать, он чувствовал траекторию изменчивого полёта души. Это душа вела его в новый предел таких зашифрованных знаний, что не всем ещё открывается – да и надо ли их открывать, если это небезопасно?

Как ни странно, но человек достиг высывавшейся из чрева земли сучьями вверх торчащей дикой хижины, созданной когда-то бездомным бродягой ли, или намеренно ушедшим от людей отшельником. Человек пал на колени и за считанные секунды на четвереньках влез внутрь спасительного дома. Ни холода, ни душевной боли он больше не ощущал. Он с разбега зарылся в сухие листья и накиданное на земляном полу старое тряпьё, – сознание его померкло, душа как будто окаменела, человек потерялся...

Разговор с поэтом

Михаил Немцев

С поэтом и философом Михаилом Немцевым я познакомился летом 2016 года в Новосибирске. Мы гуляли по городу, а Михаил рассказывал мне о зданиях и площадях Новосибирска, рассказывал увлеченно и профессионально. Стихи тоже были, но уже потом, в доме поэта Сергея Шубы, где мы ночевали. Встреча была замечательная, памятная. Он удивил меня и тем, что сказал, что жить в ближайшие годы будет в США. Я решил поговорить с Михаилом для альманаха и вот перед вами интервью.

Сергей Сумин

– Михаил, первый вопрос – как соотносятся литература и философия? Они враги или союзники?

– Здравствуй! Человеческая жизнь представляет собой некий сложнорасчленимый процесс, где литература, философия, кино, театр, естествознание, политика, богословие, изящные искусства питаются одно другим и между собой весьма взаимосвязаны. У каждого культурного человека есть какие-то профессиональные склонности, акценты, особые интересы и так далее. Но в принципе на уровне повседневности они и не враги и не союзники, а что-то вроде жителей одного города – может, и не любят друг друга, но как-то сосуществуют, друг с другом торгуют, брачуются и вообще как-то помогают. Я бы сказал, что их отношения подозрительно-заинтересованные. Лично в моей жизни их противопоставление чисто, нет ни перегородок, ни слияний. Но я после обычно академической философской школы специально учил себя этому.

– Второй – полюс твоей мысли находится на Западе или на Востоке? Сейчас есть ощущение, что восточная мысль ближе русским – Лао Цзы, Сунь Цзы, Хайам, Руми... Так ли это?

– С одной стороны, «полюс мысли» как ты выразился, моей, он явно на Западе, если под западом подразумевать цивилизационное пространство, к которому русская культура, безусловно, относится. Я получил западное образование, я не знаю «восточных» языков, чтоб на них читать, и даже не был там никогда. С другой стороны, современный мир гораздо сложнее, чем сто лет назад, и это разделение на Восток и Запад устарело уже лет на сто. Культурные процессы, обмены давно уже не делятся надвое. И Сунь Цзы, которого мы

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

читаем, скажем, по-русски в переводе с английского перевода с перевода с древнекитайского вэньяна на современный китайский (я привожу условный пример) – что в нём от «Востока» а что от наших европейский фантазмов насчёт «Востока»? Или упомянутый Руми, переводы которого это фактически примерный пересказ мистических текстов, труднодоступных и тем для кого литературный персидский – родной? Это не «Восток» не «Запад», нужны какие-то другие обобщающие категории. Мне кажется это важно – не тащить за собой в XXI веке образ мысли из века XIX-го. Русским ближе вообще мысль, а определять её как «восточную» или «западную» – занятие третьестепенной важности.

– То, что ты пишешь – в целом, огрубляя, интуитивно порождено или глубоко проанализировано?

– Не могу ответить на этот вопрос (здесь смягчающий смайлик). В целом, противопоставление интуиции и анализа мне я не считаю особенно продуктивным.

– Твои любимые десять современных поэтов?

– Моё поэтическое чтение очень ограничено, я постоянно читаю стихи, но их подбор весьма случайный. И опять же, слово «любимый» – двоящееся значение имеет. Есть авторы, читая которых я просто радуюсь, и они как-то меня в моём мировосприятии и в понимании возможностей родного языка углубляют. А есть авторы, которых я, может, и не люблю читать, но мне очень важно для своей литературной деятельности знать, что они пишут, и как именно они пишут, и я постоянно как бы одним глазом на них кошусь. Первых или вторых предпочесть? Я думаю, что для действующего поэта важны не столько уже написанные другими стихи, сколько их творческие программы, методы работы, требующие обдумывания и вчувствования (или отталкивания) – а чтобы их узнать, достаточно трёх-четырёх стихотворений. Если «современными» считать живых и активно публикующих новые вещи сейчас авторов (т. е. великий Тимур Зульфикаров, который создал новый поэтический язык, но чьи важнейшие вещи созданы лет сорок назад, в это число уже не попадает), то я назову лучше только трёх принципиально важных для меня сейчас, очень разных авторов: Данила Давыдов, Галина Рымбу, о. Сергей Круглов.

– Что сейчас происходит в современном мире с ангажированной литературой? Почему таким авторам так часто вручают премии? Должна ли литература быть ангажированной?

– Я не совсем понимаю, что имеется в виду под «ангажированной литературой». Каким авторам и почему именно им вручают премии — это проблема социологическая, а не литературная. Мне это мало интересно, хотя я принимаю к сведению выбор того или иного жюри, но не более того.

– Что с литературой в Америке? Ее отличие от российской?

– В Америке с литературой всё хорошо. Америка такая же литературоцентричная страна, как и Россия, здесь происходит свой интенсивный литературный процесс, про который я правда почти ничего не знаю в подробностях, потому что моё внимание слишком обращено на литературный процесс в России. Отличие, которое бросается в глаза, я бы сказал, в том, что здесь гораздо заметнее быстрый и продуктивный обмен между академическими исследователями, критиками и людьми, пишущими стихи. Это прежде всего связано, я думаю, с тем, что академическая жизнь в США гораздо более динамична и ориентирована на «ухватывание» нового. Поэтому новые авторы, даже совсем молодые, оказываются прочитаны, их работы каким-то образом введены в процессы культурного обмена. Не говоря о личном переживании востребованности и «прочитанности» для этих авторов, само ощущение культурного процесса поэтому другое, и разнообразные мантры про «сперва добейся, состарься, опубликуйся там-то и вот тогда открывай рот» — это в Америке не принято. Кроме того, здесь гораздо в большей мере, чем в России поэзия и литература включены в обсуждения общественных проблем, и с их посредством громко звучат голоса угнетённых и подавленных из публичной сферы; для США важнейшие проблемы это конечно всё, что связано с расой, это борьба сексуальных и гендерных меньшинств, это чрезмерное насилие в стране. В таких дискуссиях литература и поэзия в США это не просто случайные иллюстрации, это важный и востребованный источник знаний о происходящем.

– Какие тексты сейчас тебе кажутся актуальными? Как сейчас надо делать прозу, поэзию? Дай рецепт!!

– Если я могу себе позволить проигнорировать подначку про «рецепт», то — мне кажутся актуальными те же тексты, которые актуальны всегда — это такие тексты, которые 1) рассказывают мне что-то о другой (о чужой) жизни изнутри

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

этой жизни, 2) позволяют мне по-другому посмотреть на происходящее со мной самим, 3) интересно читать и потом можно перечитывать, 4) интересно, хочется пересказывать близким и приводить в пример, 5) задают загадки, к которым можно потом мысленно возвращаться годами. Такие тексты написать сложно, часто это просто не получается. Но этим по большому счёту и стоит заниматься. Таким может быть роман, а может быть, например, сборник стихотворений или вполне даже одно стихотворение. Просто это большая задача, призываю к большим сложным задачам перед собой.

– **Твои пожелания литературному альманаху «Графит»?**

– Войти в «Журнальный зал РЖ» (magazines.russ.ru)

Михаил Немцев

Посвящается Саше Соколову, или Ночь волнительна

Обаятельная, трагическая и трогательная книга, говорили ему. Сказано. Там безымянная река, и дачные дальние предместья коих должно быть девять, одно за другим. Это лес, и пары на склоне холма, может быть, за их вечерней трапезой, может быть.

Мальчик-чудак пересекает реку, припадая к её окну, ах, есть ли у неё муж, или это удачливый некто, такой, как я – как мы, здесь ждущие в темноте? Keeping abreast, чтоб не кольнуть русскую речь. Ко груди твоя припадая. Так есть ли у неё муж, и с кем проводит она часы, отведённые для вечерних чаепитий?

Мальчик и он же чудак пересекает реку. Медленно ступает в воду – зеркало насквозь – лодку ведёт за собой – медленно – и там наверху окна. И тут надо укрыться за вычурный слог. Трогательный и трагический. Так есть ли у неё? Астролог некоммуникабельный никакой азбукой не надеется отмолчаться, анаграммой наскоро надуманной отразить натиск яблочный. Выходи, я... Так вот, на это несчастный ли русский язык предназначен? И подвалы его. И его.

Опыты прошлых веков: да, скорее всего и на это тоже. Итак, мальчик. Он мужем станет – не тем, так другим, не так – так иначе. Он ступает в воду – тёплую воду по щиколотку возле самого берег, отмель, не отмель. Тут и остановись, стоп. Поймай его взгляд. Движение руки – левой скорее, чем правой, левым боком повернут он, слева приходит тьма, астрологи-то знали, сиделись

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

всегда справа, о да! но теперь – левой – занёс ногу над берегом, левой – шагнул – раз, но размашисто – за зеркалом. Типа оставил лодку, побрёл.

Берег кончится, бумага кончается тоже. Так или иначе. Доктор! Ты хорошо пишешь доктор, и как здорово, что ты не врач. Он не накручивал восклицательных знаков; а ты накрутил, я бы тоже накрутил, а то ещё – многоточий...

Мальчик, берег; не сберёг, скажу: я ***** **** Ах Ненаглядная моя. Дальше по тексту не будет, ибо бытовуха: поезда, жизнь-не-здесь, double mind, дальше больше, double thought, пересечение; ваши бумаги; ну да при таких-то ресурсах; и наши капризы, лингвисты на службе у Чёрта. Спишь ли ты? Спишь. Это ночь, неправда, что все кошки серы.

А человек бывает робеспьер, а ещё бывает человек –нахтигаль, нантингейл, а она – мальчик, ты ещё не можешь знать, что она не птица.

... Лодка всё там же. Зачем эта женщина, ах, не случайна ли, и дача на таком высоком берегу – спроста ли так достижима? Чудесненько, что и лодка не уплывёт. Мальчик, с пустой своей левой ногой – сердечная сторона! – шагнёт, и задумается. Приплыл, и то, увидеть гораздо ли. Представь, там окно, и свет погас, и форточку открыли, и льдинки звякнут в колее – но нет! – далеко это что-то разбилось – и опять, again: окно, и форточка. Это – жуть, и левая твоя сторона недостаточно оттренирована для таких наблюдений, о, мальчик! Это ночь защиты, мой мальчик, ибо она – там, несомненно (спишь ли ты, Ах Ненаглядная Недостижимая моя) – так же несомненно и мы все там, носители бесполезной –сти – грудь в грудь – мальчик, твоё дело неиндивидуально; мы наблюдаем, не будучи, увы, принять участие в вечном сотворении *arg puovo* волнительной осенью либо весной, однако, бдим, и вот – там наверху собака – впереди собака! но не кербер, и более того, она добрая. Вот тебе слово. Почему мы всё это боимся говорить друг другу – от лица к лицу, раз уж мы все там? Я тоже боюсь, наверняка так; я люблю тебя, мальчик? И тебя тоже. Ночь волнительна. Сон разума, и впредь.

2008

Дмитрий Сопыряев

Сказки-притчи

Ким и Ян

1. Ким вышел на улицу, смотрит по сторонам и ничего не видит. Глаза протёр всё равно ничего не видно. Решил на ощупь идти. Идёт и идёт, а к конечному пункту прийти не может. А Ян сидит на пеньке в землю смотрит. Вот так Ким и Ян встретились.

2. Ким и Ян играют в шахматы. Ким чёрными. Ян белыми. Чёрные играют Кимом. Белые играют Яном. e2-e4... Ян2-Ким4..... Шахматы на доске закончились. Пустая доска. А Кимом и Яном кто-то продолжает двигать. Наверное, высшие силы, а может вооружённые силы. Давление повышается. $F=ma$ Сила=Масса Яна+Ускорение Кима.

3. Ким купил рыбу, чтобы съесть. А Ян купил ружьё, чтобы убить. Ким ест. Ян убивает. Кто же из них первый насытится? И придёт ли вообще сытость когда-нибудь? Или они уже наелись?

Ким съел Яна. Ян убил Кима. Когда они родились заново. Ян съел Кима, Ким убил Яна.

4. Ян залез на дерево высоко-высоко на самую верхнюю ветку и кричит что-то. Ким выбегает на улицу, смотрит вверх на Яна, крики его слышит, а понять не может, что он кричит. Ян слез с дерева и пошёл в дом спать. Ким будит Яна: "Вставай, Ян, пора готовить!" Ян встаёт и говорит, я уже наелся Ким и тебе советую.

5. Ким сидит, пьёт чай, Ян смотрит, как Ким пьёт чай, а сам Ян ничего не пьёт, только смотрит. Чай кончился. Ким сидит, пьёт воду. Вода кончилась. Ким сидит, пьёт воздух. А Ян всё смотрит и смотрит на Кима. А воздух всё не кончается и не кончается. Ким всё пьёт и пьёт. А Ян всё смотрит и смотрит. Кому всё это надо?

6. Ян много говорит, а Ким всё молчит. Спор не получается. Нет спора, нет воды. Нет воды, нет жизни. Нет Яна, нет Кима. Разрушение неизбежно. Обновление неизбежно.

7. Посадил Ким много риса. А Ян посадил ещё больше риса. Ким ещё немного посадил. А Ян много посадил. Ким смотрит на рисовое поле Яна, вытаскивает из кармана воду и раскидывает по полю Яна. А Ян отвернулся от Кима и пошёл в лес новое рисовое поле сажать. Ким сажает рисовые поля, а Ян сажает поля риса и вытаскивает из кармана воду. А ночью они спят.

8. Сидит Ким на печке, и дрова загружает сверху. Дрова кончились, тогда он свои ноги загружать стал. Когда ноги кончились. Он Яна загрузил в печку. Ян оказался крупным деревом и горел долго-долго. А Ким сидел, и ноги свои старые грел.

9. Ян во сне представил, что он птица и полетел. Ким же никогда ничего не представлял, он всегда жил реальной жизнью. Ян птицей летает. Ким червяком ползает. Кому то в жизни везёт больше.

10. Жили Ким и Ян в маленьком лесу в хижине. Ким жил больше, а Ян больше не жил. В общем, они иногда сливались друг в друга и разливались как ручьи. А что было дальше уже и не вспомнит никто.

11. Сидит Ян и книгу диктует Киму. Книгу своей жизни диктует Ян. Ким своим корявым почерком туда-сюда по листку чернила гоняет и гоняет, язык то свой совсем не помнит, пытается на языке своих предков писать. А предки были у него у Кима разнокалиберные, либералы, в общем, по своему складу ума. Вот так Ян и стал знаменитым.

12. И вот прошло очень много лет все вступили в свой 21 век, век перемен, век дешёвой жизни, только Ким и Ян ещё не вступили, не могут они никак вступить в этот мир. Они как жили в Китае, так и живут, у Китая много мест по всей земле разбросаны, как камни после дождя разбрасывал и собирал Экклезиаст. А Ким пьёт чай зелёный и смотрит в небо, Ян стучит в барабаны. 21 век в камнях.

13. Ким живёт в квартире, недавно переехал. Ян живёт в пустыне, раньше пустыня была лесом. Киму всегда хорошо. Яну тоже отлично. Ким грызёт сушки и разводит свиней. Ким решил навестить Яна. Вышел на улицу, смотрит, свинья дохлая лежит. Он перешагнул, дальше идёт. Шёл-шёл, а пустыня всё никак не кончается и не кончается и никак Ким до Яна дойти не может. А Ян не идёт, он наблюдает, как течёт река Ким.

14. У Кима и Яна были дети. Было очень много детей. И все их дети были рогатыми. Как крупный рогатый скот. Скоты они были большими. А Ким и Ян были мелким рогатым скотом. И паслись всё больше на пастбище и ели траву. А их дети ели всё что шевелится. И пришло время Яна и Кима...

15. У Яна были две ноги, он ходил. У Кима была одна и та кривая, и он скакал как горный козёл. Ян любил бегать. Ким любил прыгать. Ипподром был совсем близко...

16. Ким жрал малину в поле, как только мог быстро, он хотел так ускориться, чтобы даже самые быстрые в мире ускорители не успели зафиксировать его поедание малины. Ким ошибся, малина кончилась.

17. Ким спит, Ян тоже спит, только умер он уже давно, но всё равно хочет спать, поэтому и спит. Ким спит не всегда, а Ян спит вечно как пожарник. Ян остался в жизни нетронутым, а Ким умер.

18. Ким любил женщин вкусных и нежных как облака. А Ян любил женщин жёстких и страстных как ядерный взрыв. Ким имел много женщин в своей коллекции, он собирал бабочек и насаживал их на свою грудь как медали после боя. А Ян ничего не имел, он только хотел простого счастья, просто трахаться.

19. Тихо в лесу, тихо. Слышно только, как сова угукает. И сучья скрипят. Ким в хижине сидит печь топит. А Ян по ночному лесу гуляет, шишки на чай собирает. Ким не дождался Яна, и спать залёг. Ян же домой пришёл, целый мешок шишек на собирал, затопил самовар, сидит, чай гоняет и в небо смотрит, думает о простом, простыми мыслями размышляет. Как собрать подводную лодку, чтобы перебраться на другую землю, как соорудить новый телескоп, чтобы последнюю галактику можно было рассмотреть. Пока размышлял к нему и сон пришёл. Спит Ян и видит, как тяжело земле жить стало. Недра её пьют и пьют словно чай, собирают и собирают как шишки. Страшно ему стало, проснулся он, глядь на часы, утро уже. Пора вставать и будить Кима. Протёр глаза Ян, смотрит в дверях медведь стоит и лапу протягивает, словно просит что. Ян соскочил с печи, молока налил в миску и подносит к медведю. А медведь так хитро на Яна взглянул и ушёл обратно в лес, ничего не взяв. Ким встал, потянулся и снова спать в подушку уткнулся. Часы в разные стороны вертелись, вертелись, и жизнь так, и лилась, и лилась. Скучно жить было.

20. Умер Ян. Прилетает Ян к Киму во сне, смотрит на него, ничего не говорит и улетает. Ким встает, и сон как обычно пытается вспомнить и записать на бумаге. А записывать нечего. Ян снова прилетает, посмотрел на Кима и улетел. Киму снова записывать нечего. Хитрый Ян был, намного хитрее Кима.

21. Ким и Ян сидят курят трубку. Курят одну на двоих. Пока Ким курит, Ян спит. Пока Ян курит, Ким спит. И так по кругу. Они сидят курят и спят, спят и курят. Трубка закончилась, а курить хочется, только больше и больше. Ким смог побороть курение и лёг спать до конца дней своих, а Ян не смог, Ян был нужнее миру.

22. Ким собрался на охоту, завёл старый трактор и пошёл в лес. Ян же с охоты и не уходил, ему было не больно охота куда-то вообще ходить. Пока Ким в лесу на охоте был, Ян прямо дома охотился за новыми видами животных. Вот такая у них была охота. Охота Кима и охота Яна.

23. Ким долго ждал Яна. Ян же вообще никогда и никого не ждал. Ким любил ждать, Ян любил догонять. Ким смотрит на Яна, а Ян бегаёт за Кимом, чтобы не опоздать на самый последний поезд, который стоит и ждёт его, Яна. Ян не смог догнать поезд и сделал себе харакири, чтобы научиться ждать.

24. Надоело Киму жить в деревне, и решил Ким уехать жить в город. А Ян наоборот решил уехать из города в деревню. Вот так они ехали и ехали, ехали и ехали, а потом остановились, посмотрели друг на друга и засмеялись.

25. У Кима кончилась материя, он пошёл к Яну попросить, чтобы он дал взаймы немного материи. Ким пришёл к Яну домой, а Яна дома не оказалось. Ким тоже исчез.

26. Ким и Ян смотрят на выцветшие фотографии своих дедов и бабушек и плачут и не могут остановиться, потому что чувствуют, что они совсем рядом и что им тоже больно. Простите.

27. Ким стоит над пропастью во ржи, а Ян стоит над пропастью в пшенице. И смотрят друг на друга, но никто не хочет попасть там, где сейчас Ким, и там, где сейчас Ян. Только дети ничего не хотят бояться.

28. Ким впал в твёрдость, Ян впал в мягкость. У Кима не было желания говорить о чём-то, ему просто хотелось торчать. Ян просто гулял и хлопал в ладоши.

29. У Кима кончились силы, кончились слова, кончились звуки, кончился кислород. Ким продолжал кончаться в Яне.

А Ян начинался в Киме. А в середине они были единым целом.

30. Ким хоронит Яна и плачет, слезами горькими заливается, а Ян лежит в земле и смеётся, аж от хохота закатывается.

31. Ким строит дом по своим собственным правилам, а Ян строит себя без правил. Правильно?

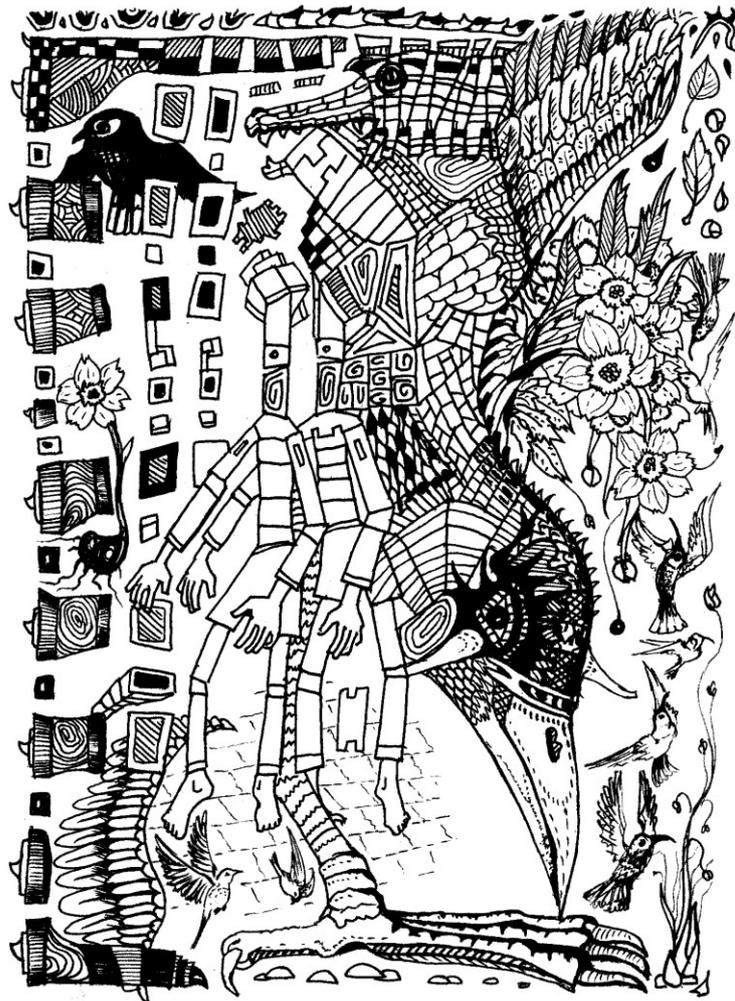
32. Ян смотрит в небо и видит, как по небу летит Ким. «Куда летишь?», спрашивает Ян. «Куда глаза глядят», отвечал ему Ким.

33. Ян смотрит в страницу, набранного текста и видит, что пишут о нём. Ким видит ту же картину. Так появляются странные сказки о Киме и Яне.

34. Ким был простой, Ян был простой. Простой какой-то наблюдался изо дня в день, из ночи в ночь, выскакивали они друг за другом и двигались всегда в разные стороны, не задумываясь, что они двигаются, они всё же находились в движении, и кто-то из них всегда уходил на опережение. А потом они пропали. Ким упростился настолько, что исчез. Ян же пытался усложниться, но так простым и остался, в простыню завернулся и исчез.

35. Ким и Ян пошли голосовать. Голосовали, голосовали, а голоса что-то никак не складывались в единое целое. Тогда Ким убил Яна, и все голоса тут же сложились.

36. Идёт по дороге Ким, и Ян тоже идёт по дороге. Они встретились. Ким пытается обойти Яна, Ян пытается обойти Кима. Ким влево и Ян влево, Ян вправо и Ким вправо. Так Ким и Ян вступили в две партии одновременно. Не удалось им победить себя. Сделали они себе харакири, чтобы больше не входить в конфликт.

Любовь Черняева

Просто так,

или лента из Вконтакта

Лестница от слова лезь.

Рыжие!

Мальчик рыдает на рассвет.

Мальчик рыдает на рассвет.

Миротворец.

Скоро поеду на гастроли.

пО миру.

О оно и есть О.

Почти не надо говорить.

А, в принципе, и незачем.

ДНЕВНИК НАБЛЮДАТЕЛЯ

Готовлюсь издавать свое культурное наследие.

Был ли Бутусов Буратиной?

Спускаюсь вниз по ленте.

Лезу наверх.

Не ржи. Смейся!

Чисто.

И четки. Анна Ахматова.

Разница. Видишь?

Или Пугачева и как зовут женщину-композитора?

Правильно: Ахиджакова.

Что я буду делать без языка?

Со словом.

Твоим.

Ничего.

Я его узнаю.

Красивое. Явилось.

Баланс.

А созвучие отдельно.

Красная книга Олега Березина.

Слава. Березину.

След. Без следа.

Текст уходит вниз.

Наверх.

Что внизу, то и наверху.

Что где?

Не ждешь же ты, что я преумолю ребро.

Там, где малого нет. Но все есть. Но – именно соответственно. И только.

ДНЕВНИК НАБЛЮДАТЕЛЯ

На Никудыкиной горе.

Кость.

Ребро.

Друг говорит стадо возвращается.

Возвращение стада, говорит.

Откуда я знаю, откуда.

Не, тут героев нет, герои – полубоги (греч.) – ни рыба, ни мясо.

СНЕГ – правильное написание.

Полное присутствие во фрагментах.

Остаться на границе понимания.

Кино я посмотрела. Но я кино уже не смотрю уже.

Никто меня не лайкает.

ДНЕВНИК НАБЛЮДАТЕЛЯ

Вот именно. И запомни!

Пасечники процветают за счёт Китая.

В России масла сливочного больше нет.

А я на рынке видела, недавно.

Мед покупала.

Радостный такой ходит.

Дроздов.

Мимо сегментов рынка.

Латентный – только фаза, в действительности.

Карман для денег и для пожеланий.

Кельтские узоры.

Я так и думала!

В тебе есть смысл.

ДНЕВНИК НАБЛЮДАТЕЛЯ

Привык на минуточку заходить.

Приходил Артем. Со смыслом.

Дружище, оставь лампу в покое.

Баланс не созвучие.

Это как Губайдулина и тишина.

Чапаев и пустота – баланс к Губайдулина и тишина.

А созвучие в кроме. Пребывает.

И никто ему не мешает – ни Чапаев, ни Губайдулина.

Скажу тебе по секрету: Дня науки не было.

Не почему. А потому что.

0+

Какой еще путь?

Гари Бунт.

На одной работе волк, а на другой собака.

Нарисуй рыбу. Ту.

Из раннего:

Во что ты играешь, мальчик? – спросила у мальчика я.
Я просто играю так, – сказал мне мальчик в ответ.

Незрелое.

Отдать твою ипостась.

А не откупиться.

Неважно? Так, и хорошо.

И я про то.

Прибыл в пребывание.

Звенящая радость, я плавать.

ДНЕВНИК НАБЛЮДАТЕЛЯ

Никуда не пойдёшь?

Я тоже никуда не хожу.

Смысл имеет не все, но только то, что в смысле.

Двое интегрируются в третьего, и это будет одно из двух.

Таня написала.

О чем думала.

Сравнила друга.

Цепок и чист. Первое по причине второго.

Аппозиционен. От поза.

Надо удержать весь мир.

А я тебе говорю: застраивай. А ты кирпич вдруг бросил. Перекур.

ДНЕВНИК НАБЛЮДАТЕЛЯ

Поэт с геном сформулировали вопрос: не поднять ли человека из снега.

Поэт с геном сформулировали вопрос: не поднять ли человека из снега.

Кого?

Чего кого. Это какой падеж? Дательный? Родительный.

Ген.

Не трогай.

Может, мне партию организовать?

Академические сумерки.

Уходим в генетику.

Нет слов.

Чисто.

В смысле все живы.

ДНЕВНИК НАБЛЮДАТЕЛЯ

Это он со мной разговаривает. А я молчу.

Думаешь, красота кончилась?

Человек видит не глазами, и не мозгом.

Очкиними — в очках любой дурак.

Друг у меня уже есть.

Сами приходят. Сами уходят. Сами остаются.

Наторопись. Наспеша. Вдоволь.

Мне соответствует снег. Адекватен. Чист. Пронзителен. Прост.
Ясен.

Солнце, на самом деле, белое.

Снег мне не нравится ничем, кроме цвета. Да и его нет.

ДНЕВНИК НАБЛЮДАТЕЛЯ

У Правова взломали страницу.

Думаешь, я?

Добрый человек.

Надеялся избавиться от добра.

Ветер, слышишь?

Думаю, скоро я буду повелевать тучами.

Я все сказала.

К тому же, все и не перескажешь.

Безмолвие, например.

Стоять!

Но за соломой сходи.

Ничего ничему не мешает.

ДНЕВНИК НАБЛЮДАТЕЛЯ

Всем спасибо, все, наконец, свободны. Да и были.

Вечная память!

Да ладно.

Глаза можно не завязывать, но на это нужно время.

Двое: Князев и Лысяков.

Братья Трауготы.

Смотри: в слышимом. Где почти никого нет, или ещё.

Сегодня Ночь искусств.

Бабоньки. (андроид знает только слово бабочки.)

66 художников.

Навоображала.

Воображуля.

ДНЕВНИК НАБЛЮДАТЕЛЯ

Запахло арт-терапией.

Чего только медицинские психологи не придумают.

Шас: тишина.

Высоко мерие: не цирк, а церковь.

У друга кончились слова. Наконец-то.

Значит, так.

Надеешься потерять смысл?

Смотри: потеряй.

Щас: написал?

В 5 утра говорила с директором. Именно разговаривала.

Думала просто рассвет встречу.

Села за детский комп.

ДНЕВНИК НАБЛЮДАТЕЛЯ

Сформировалось во времени.

А, может, так и было.

Наконец-то. Хоть один живой человек.

Уперся в небосклон.

Смотри: если ты не веришь – тебе налево. Если веришь – направо.

Юру бросила жена.

То-то и оно.

Сидит спокойный голодный Бутусов в кафе.

и т. д. и т. п. и др. Дороги нет никакой. Пребывай. А не при.

Поняла, почему не люблю современное искусство: вот и живи в этом.

В мере – соразмерно то есть.

ДНЕВНИК НАБЛЮДАТЕЛЯ

Вот думаю: уйду совсем в вибрацию. Кто работать будет?

Фестивали организовывать.

Арт-фестивали.

Где-то на границе. То ли встречаю, то ли провожаю.

Постмодернизм в культуре, говорят, прошел. Но его, на самом деле (тс-с): и не было.

Например: например.

Время надо переживать.

Прожил? Ну, и хорошо.

Время-то – твое.

Намерен радоваться во второй раз.

Друга, как ни пошли на концерт, всегда с него возвращается.

Я искусство не люблю почти все: оно меня любит.

ДНЕВНИК НАБЛЮДАТЕЛЯ

Про подвалы: подумаешь, затопило, уже высохло почти.

Щас: я человек маленький.

емое.

На празднике нет.

Лучший друг.

Молчит.

А я тишину люблю.

ладно-ладно-ладно.

Мой би.

Гляди, какой прекрасный бронезилет.

Источник вдохновения. Для любого творчества.

В зависимости от развитости сознания.

ДНЕВНИК НАБЛЮДАТЕЛЯ

Мне не выдержать мост.

Достаточно отражения.

Умный без честного не бывает.

Радость спокойна.

И говорит медленно.

Мальчик рыдает на рассвет.

А не навзрыд?

На них обоих.

Мир творит.

Вечная близость конца.

Шутка.

OPEN

YOUR

MIND

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

АЙВЕНГО

* * *

стрижи в режиме стрижки
а мы едим коврижки
в лесу всё шишки шишки
а в космосе всё вспышки

* * *

что я делаю в буфете
я всегда держу в секрете

что я делаю в сарае
знает только тётя рая

а что я делаю во сне
неизвестно даже мне

* * *

Монтень –
у плетня валяется книжка
схватил – и подмышку
читать в огородах легко
особенно если в крынке
осталось ещё молоко

* * *

ТЫ МАНЬЯК
И Я МАНЬЯК
ТЫ ПЬЁШЬ ВОДКУ
Я – КОНЬЯК

* * *

ТЫ МАНЬЯК
И Я МАНЬЯК
ТЫ ЛЮБИШЬ "ТУ"
Я ЛЮБЛЮ "ЯК"

* * *

ТЫ МАНЬЯК
И Я МАНЬЯК
ЖАЛЬ
НЕ ВСТРЕТИМСЯ НИКАК

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

* * *

пурга пуржит
деревья стонут
а люди по домам сидят
иные водку пьют
иные хлеб едят
и радио бормочет и бормочет
как будто бы сказать нам
что-то хочет

* * *

светает
всё тает

* * *

читали Лукиана
на берегу океана
то ли пацифического
то ли атлантического
и птицы слушали летали
и рыбы слушали приплыли
и звёзды более-менее сияли
и дурака потом валяли
в колпачке с двумя бубенчиками

* * *

атомисты-досократики
классные ребята
ухожу в поля гулять
мыслями богатый

НЕХАЙ КУ
мужики
железо привезли
айда разгружать

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

* * *

встретились
пьяный лётчик
и
пьяный переплётчик
один – другому
про переплёт
другой – одному
про перелёт
а каток
знай себе катает асфальт
на соседней улице

* * *

смотришь в лицо зимы
а это оказывается
лицо осени
ё-моё
как стыдно

* * *

облачно
с прояснениями
деревья тянут
друг к другу ветки
одинокая птица
покрыла всех матерком
и улетела

* * *

если хоть немного
не поговорил
сам с собой –
день прошёл зря

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

* * *

фирменные джинсы
их покупала
семья в складчину
носили по очереди
папа – по понедельникам
мама – по вторникам и воскресеньям
дедушка – по средам
бабушка – по четвергам
алёшка – по пятницам
ниночка – в субботу на дискотеку
а дядя серёжа – когда хотел

* * *

луна по блюдечку катилась
в подъезде кошка окотилась
крутился шар себе земной
и прыгал заяц заводной

Денис Липатов

* * *

Может римлянин, может грек,
а скорее всего – татарин –
смотрит в зеркало имярек:
а и правда – облезлый барин.

Смотрит в зеркало подбочась,
а по улице ходит сутулясь,
сапогами мешая грязь,
и на солнышко смотрит хмурясь.

Что-то всё ему не по ноздре:
слишком шумное и живое,
то ли дело когда-то в орде,
где боялись гулять по трое.

Но, конечно, и те времена –
соглашается он – не подарок –
бесконечная эта война,
но зато был во всём порядок!

А хотя, ведь когда-то и он
был ребёнок и пел кузнечика...
Окликают его – Симеон, Симеон!
просыпайся... трясут за плечики.

* * *

мы сидели на батумской
пили водку в три горла
почтальонша с толстой сумкой
телеграмму принесла

где-то в дальнем захолустье
среди лесов полей и рек
от тоски или от грусти
умер *тоже человек*

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

мы его совсем не знали
нам по сути всё равно
те кому ту смерть прислали
с хазы съехали давно

но как будто кто незримый
положил конец гульбе
жизни ход неотвратимый
вновь напомнил о себе

так вот где-то околеешь
и не скажешь никому
как ты здесь овечкой блеешь
волком воешь на луну

* * *

Не кружи за мною ветер,
не вынюхивай за мной,
как ирландский, что ли, сеттер,
и не узнанный связной.

Никакого сообщенья
я тебе не сообщу,
никакому превращенью
я тебя не научу.

Всё продуешь без разбора,
всё ведь спустишь ни за грош...
нет, не будет разговора,
да и я уже хорош

Ф. Т.

Ни отклика, ни звука:
Паучья тишина,
И время близоруко
Глядит на молчуна.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Задача не из лёгких:
Не в каждый телескоп
Таких светил далёких
Огня увидишь сноп!

Из Петербурга в Мюнхен –
На пегих, вороных –
В неметчину, как в бункер
От умников родных.

Меняй монокли, стёкла,
Смотри в упор или вперёд –
Пока гроза не смолкла,
Её никто не назовёт.

Жизнь тянется и длится,
А спросишь разве: почему?
И что в тебе таится –
Тебе известно одному.

* * *

Дорожная стёрта разметка,
виляет, как шлях, полоса,
тахометр пляшет рулеткой,
сцепление, газ, тормоза.

Проехали город Глазов,
осталось две трети пути,
мы небо в сиянье алмазов
увидим ещё впереди.

Безумная наша поездка –
куда? непонятно зачем,
как будто приходит повестка –
явиться немедленно всем –

решением сиюминутным,
почти скоморошья блажь,
была вместе с ветром попутным
задумана. Экипаж

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

был собран без проволочек,
залили бензином бак,
и выехали без отсрочек,
не думая, что и как.

Не вредное, в общем, дело
порою с насиженных мест
сорваться с резьбы за пределы,
вздыхнуть, оглядеться окрест.

Понять, чем живёт и чем дышит,
как раньше сказали б, народ,
какие он песни слышит,
какие он песни поёт.

Порою в такой глухомани
бывали, что, кажется вдруг,
нет-нет, да и спросят селяне:
ну, как там царёв Петербург?

Но местные смотрят Миколы
с травинкой в зубах – далеко,
в бутылке из-под кока-колы
парное несут молоко.

Из банки австрийского пива
пепельницу смастерив,
вздыхают, что здесь красиво,
но нет никаких перспектив.

Да ну тебя к лешему, право,
какой-то гнилой разговор.
Смеялась нам вслед баба Клава,
и щерился дед Егор.

* * *

Пусть Ломоносов спит и видит
Третьяковского уесть,
Барков обоих ненавидит
академическую спесь.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Державин хоть и был великий,
ходил по маленькой нужде,
в чём уличён лицейской кликой,
что, впрочем, не вело к вражде.
И Александр Сергеич Пушкин
добром помянет старика
(забыв лицейские пирушки)
на двух страницах дневника.
Себе в усы смеётся Гоголь –
певец пройдох и шулеров,
но ты его пока не трогай –
сей утешитель фраеров
умел прикинуться овечкой,
умел всплакнуть и пожалеть,
но вот сидишь себе за печкой,
и в зиму нечего одеть.
Ты лучше с Лермонтовым, право,
попробуй что ли дружбу свести,
(хоть у него бретёра слава,
но ты и на рожон не лезь).

.....
Блок приглашает в балаганчик,
а там уж Хлебников сидит –
он разбивает свой стаканчик
и о грядущем говорит.
Потом горланит Маяковский,
Есенин в дудочку дудит,
трудолюбивый Заболоцкий
стихи животным говорит.
А ты приходишь – да нехстати,
что ж – говоришь – зайду *ужо* ...
Ужо заходишь – здрасте-нате –
и без тебя им хорошо.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Ульяна Канарейкина

музыки звуки
женщина слушает рэп в телефоне
и ему подпевает

кто-то ходит и ходит в кустах
может быть зверь
а может быть ветер

муха села на книгу
и не спешит удаляться

сегодня прохладно
кошка спешит
и я поспешаю

на строящемся доме
примостился маленький домик
Карлсон вернулся

потерялся пакетик
с надписью ЛЮБИМЫЙ
такие ведь не бросают

дикая груша
роняет плоды
подставляю ладошку

ну голубок
что скажешь
обходит молча скамейку

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

читаем стихи
интонируем
слушают дети

небо окутал туман
не видно ни зги
даже носа
сонно бредут два даоса

ёжится маленький ёжик
весь в листиках
осень пришла

на дереве лист покраснел
люди с тележкой
гуляют по крыше

дождик кап-кап
на книжку мою
закрываю

липа
опавшие листья
наверное осень

жучок ползёт по тропинке
перешагнула
и дальше пошла

воскресный денёк
собаки лежат
отдыхают

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

вот и осень пришла
облетела листва
открылись родные просторы

в сторону каменных джунглей
движутся двое
гусеница и кузнечик

осенняя жара
человек заблудился
 во времени

центральная площадь
тусовка
рядом палатка с надписью
ГОЛОДОВКА

нет не печально
нет не печально
немножечко грустно
но не печально

безбрежное небо
а в нём самолёты

осень
время солнца уходит
время луны наступает

булькает каша
ворона на ветке
дивная осень

Владимир Попович

немеют сени, а за дверьми
он, маннергейма презрев порог,
лежит и тешится над людьми,
как умирающий скоморох.
лежит в колодце, и брёвен дуб
над ним смыкается в хоровод;
а мимо тащится лесоруб
с косою и держится за живот.
но в леденеющем том огне
ни пеплом сгинуть, ни замереть,
когда бессмертие лжёт втройне,
когда от песни осталась треть.
он голубых не смыкает век,
и alter ego его рябой
в охалку схватит, подбросит вверх
и приютит над печной трубой.
там разглядит, как плывут гуськом
двор, баня, кол, черепки за ним,
да в подпол канет проклятый дом,
оставив едкий на память дым.

астрология за кулисами

храброго овна целей,
ситом грозит водолей:
`даже ночная волчица
вскоре сюда просочится`

сонную спесь одолев,
львьятам советует лев:
`дети мои, на удачу
множите сверхзадачу`

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

двое с ларца, близнецы,
делу годятся в отцы.
шепчут: `согласно прогнозу,
звёзды споют лакримозу`

только, ни друг и ни враг,
камни ворочает рак,
свистом котов заразив.
красный уже, как сизиф.

чрево чужое вешает на
гуще кофейной, бдя:
`грань твою поздняя вскроет весна
терпким лучом дождя..
(пенкой размыто).. будешь, сын,
швом и нарывом (гром)..
ужас твой с эврикой будет един,
сводная дрожь – с теплом..
(ради святых, зернистая муть!)..
не выражай беду..`

дай же ночлег, забери мою ртуть!
и я – за тобой пойду.

(стихотворение из цикла `Последнее`)

старые лямки на детских плечах
две ведьмы
гордости слабости

спускаются и скользят
по недотроге
в белых шортиках

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

он пытается с ними
играть и дружить
смеётся им вслед за голубями

опустошит
и снова наполнит
песком в лопатке
снятый рюкзак

протяни же мне руку
в морщинах

умоляю

лад

спиною прилечь на ломтики предчувствий как на сухие листья в лесу
повсюду над землёй пары молочного солнца
в неведении омота яблочного прозревать бескрайние кроны
беспечность зайчиком кривляется и щекочет рыжих короедов
покачиваться благодарным глотком в щебетании гостей для нового гостя
изменница а ты поёшь невидимке
осенённые неразрешённой пылью на волосах оставить противоречия

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

если забраться на мельницу можно дать обратный отсчёт озимым
и в пыли отрубей различить монотонность работы

ибо крыша прозрачна как ладонь дарующего

а этот скрежещущий полумрак оживёт по истечении зёрен
приблизится к тебе на жерновах будущего

обдаст холодком точно смутой и озарением

проковыляет мимо

у края нивы затухающее ещё отчётливое дребезжание
вдогонку твоему праху

что тебе, похититель драм,
голос общий и нутряной.
где там жало твоё, где грим.
только веко тебе и дано –
рисовать на немой грозе
лесопризрак, да вслед за ним,
как ночные две стрекозы
зашивают, пронзая, нимб.
заровняешь ли пустотой
сад покоя и ритм травы:
за калиткой поверишь ей,
возвращаясь туда, где мы

нас осталось один, но ни я и ни ты
не признаем его в закромах темноты,
тесноты и отрады, спешащей, палящей,
влекущей отсутствие тела вообще.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

нас не мерить узлами и милями, нас
обесточит по буквам глумливый рас-
сказ. растечётся слюной по коре баобаба,
по горе Заклинай и расквасит камнями
тот язык, что проник,
что заглох между нами.

из таких же, как мы, состоят деревья,
и таких же выносят к святым. тетива
прогибается хрипло у взнузданной арфы
для того, кто меж нами, того, кто не прав – и
витают бесцветным для нас метеором,
а собратья (их нет) голоса ему хором.

так о чём же?
гляди! этот проблеск яд,
говорят, разбрасает песчинки стократ,
создавая иллюзию:
мы не одни,
изменённые, только – собою гонимы
батогамы ли, нитями братства вовне,
близ Шумера, Сицилии иль Пиреней?
но ему, одному, нипочём:
он не ведал сравнений,
не помнил себя

..ну, а мы.
мы – рядами, гуськом,
полустадом, до пят
обмелевшим от птичьих кормов,
мы уже не сотрём каблуков.
да и ты, мальчик,
будешь таков.

Тимур Бикбулатов

Декарт

Кот осторожно переступал ступнями по ржавому выщербленному поддону душа наркологического отделения. Его всегда поражала собственная брезгливость к процедурам в подобных местах, и это после того, как недавно сам с мутными глазами, в дырявых потных носках месяцами ночевал по каким-то заблеваным притонам и спал на завшивленных матрасах. Триппер, педикулез, чесотка, обмоченные трусы совсем не заботили его, когда суррогатные смеси стирали цели, волю, стыд. А вот сейчас он даже опасался прикоснуться к стене, с отвращением представляя приводивших здесь в порядок свои гениталии за все годы существования этого откачивающего заведения. Душ плевался контрастными цветами и температурами, в башке мультяшилиобразы русской литературы, грязные, как кафель этих заплесневевших стен. Мценская Макбет, выныривающая из сливного отверстия, красная мочалка, в память о разрубленном Вуличе, шампунь, брызгающий пеной, как сумасшедший Арбенин. И посреди всего этого стеснительный Кот, бесполо вертящийся в купринских ямах. Даже бритье напоминало вытравливание щетины из пяток Ивана Флягина в Рынь-песках, лишь бы бежать от своих Колек и Наташек. Отмачивание фекальных колтунов и остервенелое наждачивание подмышек – лишь бы быстрее, лишь бы не поскользнуться, лишь бы не перевесила голова, наполненная перекатывающейся дробью. В который раз, сколько можно, какого хрена? Все снова потеряно и опять – навсегда. Думать и писать невозможно, только лежать над тазиком, с каждым плевком изрыгая остатки цели и надежды. Две ипостаси – жажда сдохнуть и все более тощая надежда повторить подвиг Феникса. Тошно-творное курение среди зомбоидных призраков, таких же смущенных и испуганных, укол в задницу и кошмарный потный полусон. Лет десять таких кувырканий между потерями женщин, родителей, друзей, работ. Взамен – только обрывки стихов и мечтания о собственной нужности. Для тех, кто это не проходил – романтическое существование. Их бы яйцами в эту кислоту! Героические символы – «англетер», «черная речка», «машук» – литературные страшилки. Даже лагерная помойка Осипа Эмильевича – символ поэтического подвига. Но ведь чаще – «сдох от алкоголя», как Аполлоша Григорьев. Ты, по большому счету, никому нахер не уперся. Все эти «ты нам нужен», «ты – наше все» возникают только на юбилеях и панихидах. Когда ты пьешь или питаешься с помойки – ты не интересен. Тебя просто нет. Ты возникаешь в общих раз-

ПРОЗА

говорах между прочим, промеж анекдотов и вздыхающих сожалений. Сначала это дико обидно, потом входит в привычку и доходит до того, что сам начинаешь проверять, до чего может докатиться народная любовь. А в этом она бездонна и безгранична. Жалости давно атрофировались – крест сколачивал сам и варианты эпитафий готовы на все случаи смерти. Все, кого нельзя было обманывать – обмануты, даже Господь запутался в этой галиматье и предпочитает только цинично временами отталкивать от пропасти, как ребятишек от края ржаного поля...

– Оставишь? – рядом с перевернутым ведром, подпирившим котовы свесполоснутые ягодицы, характерно по-зековски присел шрамолицый шатен в надколо-тых очках и трусах с математическими формулами. – Жена завтра привезет – сегодня сутки на работе. Коту было абсолютно перпендикулярно на него, окур-рок, конопатый нос и завтрашнюю жену. Хотя то, что к этому опустившемуся созданию еще кто-то ходит, заботится, любит, – вызвало абсурдную зависть. Кот, оклеивший дипломами, грамотами, благодарностями все стены своей коммуналки, фотографиями своих сексуальных побед всю дверь вокруг дартсового круга, а своими книжками заставивший самую почетную полку, был точно уверен, что, кроме пары смс-ок типа «как ты?», «где ты?» за 14 дней, к которым приговорил его лечащий, никакой другой информации или помощи ожидать и не сметь. Да и пока и не хочется. Пролонгированный суицид, начинавшийся, как опыт расширения сознания, стал не просто образом жизни, – опущенное состояние, легкость от безответственности (день прошел и хер с ним) складывались порой в восхитительное ощущение псевдосвободы, о неполноте которой напоминали неоплаченные квитанции квартплаты и штрафов и отсутствие зубной пасты. Рядом по коридору слонялись такие же шарнирные птеродактили, которые были социально в разы выше Кота – у них были семьи, они были хорошими водителями, электриками или инженерами и по выписке стремились на работу, которую с легкостью находили. А Кот, когда-то учивший детей литературе, но по новым законам потерявший квалификацию, как будто его талант детского сталкера по лабиринтам Достоевского или внимательного детализатора Чехова до каждой вишневой косточки как-то зависел от аттестационных комиссий или заматеревших теток с тугими пучками, до сих пор проповедующих лучи в темном царстве. А вообще, он обладал самым ненужным талантом на свете – писал стихи. Плохое зрение и сломанная ключица не давали ему социализироваться по-другому и поэтому перерывы между клиниками были непродолжительными – благо, побухать с Котом находилось немало желающих. Ему просто, говоря по-платоновски, некуда было жить. Вокруг возникало все больше «неинтересов». Новочитанные тексты воняли столичной местечковостью, неприкрыто вскрывали пережеванность пережеванного или выпирали натужным конструированием. Кот называл это литературной пазлосклежкой. Хотя

сейчас литература его ничуть не волновала – он сам уже не писал полгода и, его уже стало просто интересоваться, не подкралась ли к нему творческая дисфункция – эректильная его накрыла уже лет пять как. Кот машинально заглотил таблетки, которые высыпала в его трясущуюся руку симпатная медсестренка.

Рыжий в тригонометрических трусах оказался соседом Володей и, действительно, по образованию, математиком. Сквозь головную пульсацию Кот клипово слушал его биографию. Матспецшкола, университет, первая баба, аспирантура и защита. Внезапно оказалось, что володины постулаты напрочь опровергают постулаты сразу трех академиков. Большинство шаров оказались черными, научрука понизили и перевели в провинцию. А Володю просто вычеркнули из научного мира. Его цыганская кровь кипела недолго – он просто пришел в ВАК и зарезал оппонента. 12 лет строгаха, случайная женитьба по переписке и глубокий подсад на иглу – он здесь на реабилитации после очередной откочки от передоза. От талантливого математика остались любовь к логарифмическому белью и штрих-пунктиры вен, напоминающие фантастические абсциссы и ординаты. Кот тут же прозвал его Декартом, так как в его филологическом мозгу это четко отдалось дефиницией «математический дикарь». Кот в ответ заплетаящимся заиканием прочертил ему свою историю, и порция сонных уколов уложила их параллельно на стонущих кроватях. День за днем они существовали параллельно или перпендикулярно, размышляя о жизни под тошнотворный чифир. Пока однажды не появилась декартова Зоя с пачкой тетрадей, перевязанных почему-то пионерским галстуком.

– Вов, пока ты тут, я решила навести в квартире генеральную и в углу дивана нашла вот это. Выбросить или тебе оно нужно?

Декарт просто почернел на глаз, но взял себя в руки и спокойно ответил:

-Положи на тумбочку.

Всю ночь в палате не гас ночник. Декарт водрузил пачку на свой живот и перелистывал тетрадку за тетрадкой, сбрасывая прочитанные на пол. Кот просыпался несколько раз, но Декарта не тревожил – воины горящие глаза в красновато тусклом свете просто вампирели. Успокоился он только к подъему, отказался идти на завтрак и провалялся на шконке до самого вечера. Кот пытался писать, но оставалось только ощущение «испачканности в литературе». Декарт еще несколько раз перелистывал тетрадки и чуть не плакал.

Как-то раз Кот сидел возле ординаторской, когда родственники привезли какого-то трясущегося старичка, который еле стоял на ногах. Из разговоров сестер я уловил, что это какой-то знаменитый академик, получивший крутейшую западную премию и прошедший две недели банкетов. Академика бросили под капельницы, и я думать о нем забыл. Декарт уже пришел в себя и мы проводили вечера за чифирком, философствуя о жизни. Точнее, о смерти. Володя был

абсолютно уверен, что спрыгнуть с иглы не получится, я – не видел смысла продолжать трезвую жизнь. Тема «прогулов на кладбище», бесполезности и бренности мазохистически грела обоих. И было у нас еще одно маленькое общее.

– Я не хочу уходить в «никуда», я написал много прекрасных текстов – текстов, которые замылила бездарная штампованная сволочь. У меня нет Маргариты, чтобы топить камин и утешать мои амбиции. Но у меня не пропала вера, что я не просто испоганил гектары бумаги. Недавно я отправил лучшее уважаемому мастеру, он сулил рецензии и публикации. Мне нужно только «ДА» от русской литературы – больше ничего, – Кот расхаживал по забыченной курилке, все больше импульсируя. – На моем трупе не должно быть ссадин – только следы от поцелуев, кинэд Рембо был чертовски прав!!! Если литература скажет мне «НЕТ», я отвечу ей тем же – посмотрим, кто больше потеряет. Она, забывчивая сука, много раз теряла своих детей и теперь шляется, как ущербная, облизывая случайно нажитых ублюдков, не получая взамен ответной ласки. Я, как родной сын, просто отрекись от нее, и пусть только посмеют называть меня русским поэтом. Пусть зовут меня просто Котом... он харкнул в раковину сукровицей и с хрустом отломил гусёк.

– Тебе-то чего кипятиться? – Декарт отстраненно смотрел в зарешеченное окно. – От твоих стихов мир не изменится, прости. А вот в тетрадках под моей шконкой – новейшие математические модели, которые еще лет пятнадцать назад могли перевернуть мир. Какие-то недоноски ради своей задницы замедлили развитие. Зато ускорился я. Героин – замечательный ускоритель. Зойка меня закопает, и ни один ученый не вспомнит о Воване. У меня нет ни одной опубликованной работы, кроме трех, нужных для защиты. А эти тетрадки она просто выбросит. Так, наверное, и надо.

В этот вечер Декарт впервые вылез в телевизионку. В вечерних новостях мелькали войны, фестивали, спортивные поражения... и вдруг внезапно выплыло благообразное сальное лицо старикана из 13 палаты. «Российская наука в очередной раз доказала, что равных ей в мире пока нет. Академик Шнеерсон смог совершить прыжок в будущее, математически обосновав...». Декарт рванулся к телевизору и сорвал его с кронштейна. Кот еле успел остановить его, иначе монитор совершил бы стремительный полет в стену. Володя зло посмотрел на Кота и мрачно побрел в палату. До Кота что-то стало доходить. Он сел напротив: «Все?». Декарт обреченно кивнул.

– Я написал отказ – завтра ухожу. Мне уже незачем здесь дышать. У меня спрятано в духовке – на передоз хватит.

Кот в первый раз в жизни согласился с суицидником. Он, всегда супероптимистично смотревший на жизнь, сколько раз вступал в эти споры, отчаянно

доказывая необходимость жить, грозил божьей карой, рисовал жалкие портреты самоубийц. Но сейчас он почувствовал, что Декарт абсолютно прав и логичен.

Кот не спал всю ночь – ему грезились кровавые ванны, высунутые языки, выпученные бельма и прочие последствия самострелов и отравлений. Ворочался и Декарт. Часов в пять утра они вместе пошли в туалет покурить. Они смотрели друг другу в глаза, молча прощаясь. За дверью толчка кто-то кряхтел. Шпингалет щелкнул, и из-за двери показалась взъерошенная голова академика. Декарт опустил задницей на раковину. Кота всего парализовало, хотя он уже все просчитал. Шнеерсон покашливая, наклонился над соседней раковиной. Декарт спокойно взял газовый ключ, стоявший в углу. Кот отвернулся и только противный хруст и огромное зеркало, превращенное в красный апофеоз супрематизма, подтвердили правоту этого мира. Кот ушел в тот же день и, купив десяток аптечных флаконов, срывал со стены дипломы и жег свои рукописи. Осознание предательства и, одновременно, красоты этой жизни ослепляло его. Теперь Кот стал абсолютно свободным, и никакая литература не сможет мешать ему быть поэтом. Резьба сорвана, каноны деформированы. СВОБОДА. «Свой бог даст», разложилось в пьяном филологическом мозгу. «Свой бог».

Стихи о Тольятти

(К 280-летию города)

Составлен сборник стихов о Тольятти. Событие, кажется, неактуальное: сборников много, как и поэтов. Читаем название: «Стихи о Тольятти». Петербург Достоевского, Тольятти Семёна Краснова, Сергея Сумина, Елены Каревой и других авторов... С полтора десятка од городу, в котором они живут. Городу родному, иногда – любимому, чаще – привычному, окрашенному в цвета событий, мыслей, чувств тех людей, что в нём пытаются жить, перерождаться, выживать, не бояться смерти («Но здесь не страшно, в общем, умереть»). Городу ожившему, городу, ставшему лирическим героем, взбунтовавшемуся машинному гиганту, бетонному осьминогу, раскинувшему щупальца-улицы. Город – образ плодотворный, город Тольятти – пространство особое, со своей подводной («Наш город опускается на дно...») и лесной («Лес двухсотлетних сосен...») мифологией, обыгрываемой авторами, со своей куцей историей («А он ещё не стар, а он почти что молод...»), куцей, но всё же большей, чем у всех, о нём пишущих, куцей-то куцей, а иногда перерастающей в эпос («Улица Комзина в Тольятти»). Город с претензией на звание третьей столицы – автозаводской, и на этом лирика заканчивается. Начинается критика. Стихи, в основном, ровные, иногда завораживающие, иногда – отвращающие (не понимаю пережитка 90-х годов – пачкать стихотворную ткань крепкой словесной грязью), но не хочешь – не читай, таков мой девиз. Иногда по рифмам понимаешь – не твоё, иногда вчитываешься в строки, бесконечно возвращаешься к началу или к завораживающему сочетанию – «дымами», «домами»... Часто посмеиваешься над намеренной или случайной иронией авторов («Администрация и банки,/ И школа есть, /Дома кругом...») – и далее по тексту хвалебная песнь 3-а кварталу). Стихи не всегда искренни, иногда написаны, чтобы себя показать, встречается и намеренный эпатаж, и вставленный для красного (но совсем не всегда острого) словца оборот. А во всём, что касается любви и стихов, уж банально, простите, но неискренность реет по ветру, словно военный стяг. Но не хочется на этой ноте прерывать свой опус. Так воздадим же хвалу редактору, который всех и всё собрал и соединил. Точка.

Алексей Аристов

Галина Булатова

Улица Комзина в Тольятти

В прибрежном обществе осин,
Подобен парусу на нефе,
Иван Васильевич Комзин
Увековечен в барельефе.
Он заслужил его вполне –
Масштабом, а не скорбной датой.
...Война утихла, по стране
Катился год пятидесятый.
Ещё в чернилах был закон,
Но сборы выдались недолги,
И самый мирный батальон
Пошёл на штурм раздольной Волги.
Шагал по улице Комзин,
Красавец стати двухметровой –
От восхищенья Катя и Зин
Светился окнами Портовый.

Иван Васильевич Комзин
Громаден был не только ростом.
Те девять лет и девять зим
Дались ему совсем непросто.
Великий кормчий вёл вперёд,
Не ослабляя портупей:
«Имей в виду, что Запад ждёт
Провала нашей эпопеи».
Пусть были жёстки времена
И строги будни ради блага,
Но всё ж любили Комзина
Рабочие Кунеевлага.
Да, он умел людей беречь,
Ему служили все законы,
И генеральские погоны
Честней не видывали плеч.

В науке строить нет чудес,
Она умеет много гитик...
Гудят турбины Волжской ГЭС,
Ждёт Асуанская в Египте.
Он помнил, как был редок дождь,
Но капля каждая хранила
Всю бриллиантовую мощь
Награды Голубого Нила.
И в орденах родной страны
Стучало сердце человека,
Чьей дерзостью возведены,
Считай, полсотни строек века.
Закон суров – оправдан риск:
Не уместив матёрых пальцев,
Мятежный телефонный диск
Будил кремлёвских постояльцев.

Он потирал высокий лоб
В предвосхищении успеха,
И не случилось без него б
Тольяттинского политеха.
Труду – учение не вздор,
А суть полезное знакомство.
Он мыслил: время вить гнездо
Для инженерного потомства.
Провидец, сеятель добра,
Ведь дотянулись эти руки
До биостанции – ядра
Экологической науки.
Пред нею Ставрополь предстал,
Как сам Комзин, сенсационен...
Здесь лектор Любищев читал,
И здесь же был он захоронен...

Под шум автобусных резин,
Летящих, будто жизнь земная,
Иван Васильевич Комзин
О чём-то главном вспоминает.
О том ли времени своём,

Когда в кунеевских карьерах
Дымились сапоги на нём
Неимоверного размера?
О тех ли днях могучих дел,
Когда, показывая норы,
Он над собою не терпел
Партийных разных ревизоров?
О планах с нового листа?
Ведь между гидро-рубежами
Так и осталась чертежами
Переволокская мечта...

Автоград

Небо опять зашторили
Жалюзи этажей.
Нет у тебя истории
Посвежей.

В первых фарцовых джинсиках
Выйди ко мне, весна.
Как ты живёшь, Дзержинского,
Старина?

Как вы теперь, ничейные,
Кто приголубит вас,
Улица Юбилейная,
Рыбий глаз?

Где ставропольским отрокам
Нынче встречать Зарю?
Топать ли по Приморскому
К Волгарю?

Памяти здесь – до жжения.
Разве забыться сном?
Вымолить утешение
На Цветном?

Сколько уж, сколько молится,
Чтобы не потерять.
Только Сатурну кольцами
Не играть.

Вечное или женское? –
Душу сожгут дотла
Спасо-Преображенские
Купола.

Александр Тененбаум

3-А квартал

Люблю гулять в 3-а квартале –
И вся душа моя поёт.
В наушниках под Боба Марли
Шатаюсь ночи напролёт.

Администрация и банки,
И школа есть, дома кругом.
3-а квартал хоть без огранки –
И так хорош, приятно в нём

Бывать в любое время суток,
Гулять без цели просто так.
И думаю, что это круто –
В Тольятти жить, я не дурак,

Чтоб променять такую ценность
На блеск каких-то там столиц!
Патриотическая «вредность» –
Быть только здесь среди этих лиц.

Ах, мощь ДКИТа с красной крышей
Культурной жизнью всех манит!
И только Бог живёт повыше.
Здесь утром свет зари пролит.

3-а квартал – тебе все песни.
И если б мог, тебя б обнял.
Пишу стихи без всякой лести:
Тольятти, дом, 3-а квартал.

Елена Карева

Марине Шляпиной

Наш город опускается на дно,
пропитанный осенними дождями,
с бульварами его и площадями,
и жителями, мертвыми давно.

Наш город, как жемчужина на дне,
с фабричными дымами и домами,
расплавленными в мутной амальгаме,
затерянными в бесконечном дне.

Мечтал он разделить судьбу одну
всех сказочных Венеций и Флоренций,
с их ядами... От прочих референций
укроет ил, струящийся по дну.

Сергей Сумин

По улице Степана-атамана
Гуляешь не спеша и чуть дрожа.
Погода не ахти, ветра, как ятаганы,
Готовые ударить без ножа.

Длиннющая она, а где начало,
Не ведаешь, «Гамбринус» проходя.
Какой Куприн? Закусочных немало,
Но воздух здесь – жасмин после дождя.

Театр «Дилижанс» – модерн советский,
Утопия, искусству не впервой
Указывать пути надежде детской,
Уйдем и мы в спектакли с головой.

Идем вперед – и к Набережной сходим,
Сбегаем как ручьи иль муравьи,
И к Муравьиным островам приходим,
Где сосны наклонились до воды.

Пойдешь гулять зимой, а возвратишься летом,
Пространство этой улицы – века.
Когда я жил здесь? Кем я был при этом?
Тольятти – этот город навсегда.

Комса. Остановка Речной вокзал

Гуляли медленно и открывали город,
А он еще не стар, а он почти что молод.
Здесь набережная, свет реки, вокзал...
Я что-то здесь навеки потерял.

И плыли вниз асфальтовые реки,
Путь пробивая от варягов в греки.
Я весь промок, пересекая их,
Но не хотел бы прелестей иных.

Мой город пеплом занесен на треть,
Но здесь не страшно, в общем, умереть.
Кругом весна – смешной водоворот,
Тольяттинской пустыни легкий гнет.

Сергей Щелоков

Тольяттинскому другу

После картезианства и верёвок
которые не скручены в бичи
мой друг частенько моет кирпичи
у гаражей или у остановок

И тут не помешал бы заголовок
допустим Городские ловкачи
или Из члена бьющие ключи

Но в самом деле он не так уж ловок

Из ярких в этом городе дешёвок

отметим три пожарных каланчи
пару фонтанов с запахом мочи

и несколько заброшенных парковок
с машинами погибших группировок
в которых друг мой иногда торчит

Он как поклонник силы и Декарта
когда ни силы ни Декарта нет
уже теперь скучающий поэт

Ему уже плевать как ляжет карта

Садится он без цели без азарта
в бандитский голубой кабриолет
закутывается в шершавый плед

и равнодушно ожидает старта

И в самом центре этого соцарта
он оставляет не следы а след

Тут бы не помешало Сколько лет

но счёт доходит и до миллиарда

и позади и Аттика и Спарта
и этот город скрученный в сонет

Елена Шустрова

Церкви Успения Пресвятой Богородицы в Портпоселке.

Я помню медь, дрожащую от звона,
И голос не смолкает ни на миг,
Удары принимаются безбольно.
Но разве нас тянули за язык,

как колокол? А мы проговорились
И, озираясь, крестимся тайком
на облаков чернеющую сырость,
на прошлогодний снег под каблуком.
Еще удар перед ударом сердца.
Последний звук вырастает в тишину...
Приятно, без причин впадая в детство,
почувствовать любовь, а не вину,
молчать и наблюдать движение хвои,
живые корни под землей живой...
Движение жизни растянулось вдвое,
Но я уже укрыта с головой
Густым покровом городского дыма.
Я не войду дары твои принять.
Звони, когда я проезжаю мимо.
Звони, я постараюсь написать.

Нина Рябинина

Мой край

Ширь морская с чайкою парящей,
Лёгкий парус по воде скользящий,
Гладь воды, простор необозримый –
Это край мой, город мой любимый.

Зона отдыха, затянутая дымкой,
Моря берег, пенной кромкой зыбкой,
Обнимает остров Муравьиный –
Это край мой, край родной, любимый.

Лодки рыбаков на горизонте,
В волнах пламень на закатном солнце,
Искры волн целуются игриво –
Это край мой, город мой любимый.

Лада Дождь

Во чреве Тольятти, где новый Акрополь стоит
Не мы повстречались, не мы разойдемся с оглядкой
Да, здесь не столица, но ты оцени габарит
На три человека в троллейбусе – две пересадки.

Зачем уезжать, здесь не Сочи, но все же, мон Шер
Телец золотой не плодится, но жарится точно
На пузо твоих сбережений всегда акушер
Найдется, поверь, и припрячь свои нюни в платочек.

Любовь как подкидыш игрушек не просит уже
А грязные хроники – общенародные сказки
Здесь сердце открыть все равно, что пройти в неглиже
Дома на ветру словно камни на острове Пасхи.

Живые машины – заходим в свои гаражи.
Людей не поймешь, то ли жулики, то ли святоши.
Во чреве Тольятти накаркают сколько нам жить
Вороны на свалке. Подкормишь – накаркают больше.

Мой милый друг, в Тольятти скукотища
Монмартр пуст, у Нотр-Дама нищие
Под видом обеспеченных людей.
Жду от тебя любовных новостей.

Мой милый враг, в Нью-Йорке все как прежде
И сердце благодарно лишь надежде
Не встретиться с назначенной судьбой
Живите с тем, с кем спите, дорогой.

Мой милый Некто, будущий Никто.
В Шанхае дождь, китайцы отсырели
Я слышала Вы живы, неужели?
Куда писать? – Живому от живой.

Елена Кочева

Каждый раз
проезжая стадион
я снимаю очки
и откладываю книжку
скоро начнутся пустоши...
И я смотрю в запотевшее окно
тропинка вьется
сквозь кустарники
и обгоревшие деревья.
Барышни с колясками
дедушки с лыжными палками
мужички сидят на корточках
скоро появятся велосипедисты...

Людвиг Анохин

Красивый фраерок на "Гранте"
Проехал под моим окном
Но дело в общем то не в нем
А в той, которая сидела рядом

Я выдохнул красиво дым
И отвернувшись
Заметил ее взгляд

Во взгляде том томление было
Видать живут в "однушке"
С папой-мамой
И кроме "Гранты" ни шиша
А я на Ушакова из окошка
Курю и выдыхаю
В направлении "Колеса"

Здесь каждый вечер тусование
Порой всю ночь мне не приходится поспать
Зато какие театральные сюжеты
Приходится порою наблюдать!..

То вдруг дерутся непременно в пьяном виде
То гадят прям на стену за "комком"
Бывает и целуются при свете
Или сосредоточатся на чемнибудь ином...

Пусть ваши дети не узнают
Где вы зачали их и как
И пусть меня красавчик в "Гранте" не заметил
Но я его запомнил на века

Дюша Глебович

ВИА ДЕТСКОГО НАРОДНОГО ДЖАЗЗА
«ГРЕБЛЯ НА БАЙДАРКАХ И КАНОЭ»
слова Д.Глебович
музыка Д. Путченкаускас

ТОЧКА НА КАРТЕ

Уличные пробки
Больницы
Дома
Автомобильные цеха
Всё это было и будет всегда
Это моя точка на карте
Это моя точка на карте
О Пальмиро Тольятти
Спаси меня
Пальмиро Тольятти

Свет отключили
Заела тоска

Я борюсь как таракан
За своё существованье
Всё это было и будет всегда

Это моя точка на карте
Это моя точка на карте
О Пальмиро Тольятти
Спаси меня
Пальмиро Тольятти

Свидание в парке
Помойное ведро
Девочки меня
Посещают по средам
Всё это было и будет всегда
Это моя точечка на карте
Это моя точечка на карте
О Пальмиро Тольятти
Спаси меня
Пальмиро Тольятти-льятти-льятти-льятти

Сергей Пиденко

310 маршрут.

Сквозь время.

(Наброски к поэме).

Лоскутную ткань пространства,
лоскутное платье жизни,
лоскутную ветошь памяти
сшивает микроавтобус
с коротким названием 310 –
выплеск латинокириллицы,
убогая фишка дизайна.
Маршрут "Речпорт – Р.Борковка"
с проездом по трем районам,
страху на пару часов.

(Ну, "зло" это претенциозно,
вполне рядовая поездка,

есть и длиннее маршруты,
но для городской одиссеи
и этот сойдет вполне.)

Медный обол за поездку.
– Оплачиваем при входе!
– А ты – довези сначала.

РЕЧПОРТ

У летней пустынной эстрады
уныло пасет прохожих
циклоп на подводных крыльях.
Облезлый корпус титана –
памятник дерзкой мысли
и крайне дешевой нефти
(стакан газировки дороже!) –
прикован к бетонным глыбам
в ста метрах от водной шири.
Тантал с Прометеем курят,
нервно бросая окурки
в скудный песок приволжский
забытого Кунеевлага,
впитавший едкую соль
обитателей серых бараков,
что сотворили море,
не сознавая чуда
(чудо не пахнет потом,
и не сочится кровью).
Чудо ли, что песчаник
пророс лозой магистралей
с гроздьями многоэтажек,
где хмелем кружила головы
молодость и надежда
на близость земного рая
в городе счастья и света.
Где ныне, спустя полвека,
над центром – нет! – храмом торговли
гордо горит – "Комсомолец".
Вино вырождается в уксус.
Что грустно и для непьющих.
Но – радует домохозяек.

– Дяденька, можно бесплатно?
– Э, мальчик, пешком доедешь.

ПАМЯТНИК ТАТИЩЕВУ
(ЗЕЛЕНАЯ ЗОНА)
Скачет за Волгу Татищев
(не Анне же памятник ставить?!),
оставив на долгую память
России – тщедушную крепость
с гордым названьем СтаврОполь,
приют крещёных калмыков,
а ныне мирных таджиков,
водителей углых газелей,
харонов асфальтовых стиксов.
Скачет палач и историк,
сановник и градостроитель
на бронзовом жеребце
(хотя по жизни обычно
предпочитал кобыл),
скульптор не даром старался,
чтоб распаленным невестам
было что драить до блеска,
мечтая в страсти сравняться
с державной Екатериной,
дела которой им пофиг,
но тема – где, с кем и сколько.

– А чо никуда не катим?
– А пробка по всей "зеленке".

Есть время, плаваясь от зноя,
смотреть, как идут другие
тропой на "Пляж итальянский"
(такого не сыщешь в Италии,
ну, правда, шезлонги и пиво!).

И – по зеленой зоне –
слышите музыку слова?
ЗОНА-ЗЕЛЕНАЯ-ОТДЫХА,
ЛЕТНИЕ ЛАГЕРЯ,
словарь военно-тюремный,
с пеленок родной и привычный.
Как стал родным и привычным
сгоревший и разоренный

лес двухсотлетних сосен,
наглядное руководство,
как без труда и натуги
устроить роскошное шоу,
и за два дня уничтожить
то, что растилось веками.

ПРОСПЕКТ СТЕПАНА РАЗИНА

А мы в Автоград въезжаем –
город широких проспектов
и жмущих в плечах коридоров.
Город, где каждый камень –
в память штурмующих небо
пламенных коммунаров,
палачей и бандитов.
Улица славного Фрунзе –
привет юнкерам из Крыма!
Улица Яши Свердлова –
горячий привет казакам!
Поворот на Дзержинского –
привет шпане и эсерам.
И от Дворца для Творчества
с фаллосом астрономическим
(так что без слов понятно,
в чем этот творческий пыл)
до ледовой "Арены"
и Транспортного Управления,
до службы миграционной
на Южном, понятно, шоссе
катится неудержимо
(так в Трою катились греки)

вал кораблей колесных
проспектом Степана Разина –
девчонкам особый привет!

А наш дребезжащий кораблик,
качаясь на вечных ухабах,
стремится к скалам Итаки,
к улицам Русской Борковки,

где также живут татары,
но русские не в обиде,
как и сама Борковка.

– Сдачу дашь с тетрадрахмы?
– А мельче монеты нету?

И – маяком для заблудших,
призраком возвращенья,
фата-морганой промзоны –
вокзал свой единственный поезд
с ладони перрона роняет.
И – лязгая и завывая –
тот катится мимо Речпорта
в степные заволжские дали...

Маленький Петербург Шлюзового
(отрывок)

...И неспешный проход вдоль канала,
Верфи лязг и молчанье шлюзов,
И фрагмент петербургской симфонии
В колоннаде и арках домов.

И облупленных стен партитура,
такты солнцем согретых окон,
и дизезы фасонных балконов,
и бемоли пузатых колонн.

Классицизма остриженный профиль,
К «полубоксу» сведенный парик...
В старых улочках Шлюзового
Век мелькнул,
замер миг.

Сергей Грудев

СТАРЫЙ ГОРОД

Утихните, руки; замрите, гортани;
погода, не бей обшлагами.
Наслушаться дайте февральских преданий,
что снегом сырым прошагали.

И в лужах, что между сугробами слиты,
и в ветках звенит «Кумпарсита»,
и полдню к лицу не из мрамора плиты,
а красные жилы гранита.

Вся улица в гжели деревьев, а сверху
разводами смазанных линий
красуется небо и сыплется перхоть
с нечесаных крыш. И пленили,

заставили зябнуть, смотреть без отрыва
картинки лубочные: пиром,
небрежностью окон, ворон черносливом
и солнцем над городом старым.

Максим Котомцев

На жёлтой дороге

Сквозь пальцы на жёлтые травы падало лето водой
Так долго ждали, так быстро простились с зимой,
Смотрели на этот последний снег и так не хотелось домой
И вместо белых дорог мерещились травы с талой водой

Ветер и дождь гонят под крышу нас
Где слышно, как плачет осень на жёлтой дороге

Я поцелую последние листья последней весны
На вымытый пол ступаю босой тихо и медленно
И всё, что было, это было во сне
И кто-то молчал вместе со мной

Мы слышали, как плачет осень на жёлтой дороге
Сквозь пальцы на жёлтые травы падало лето водой
Так долго ждали, так быстро простились с зимой
Смотрели на этот последний снег и так не хотелось домой
И вместо снега мерещились травы с талой водой
Ветер и дождь гонят под крышу нас
Где слышно, как плачет осень на жёлтой дороге

Слава Трошин

Когда в Тольятти таяли во всех дворах проталины,
стих сочинился, связанный с фамилией Италии.

Над водой стоят дома.

По бульвару ходит дама.

Под водой стоят дома:

крыши нет, фундамент – да.

Ходит сом между домами,

дама правит жигулями.

ГЭС в Тольятти есть у нас,

химзавод и АВТОВАЗ.

Олег Березин

вот мой перекресток
а вот мой дом
дождей перехлесты
в небе гром
бегу и вбегаю
хрущевки подъезд
дверь открываю
рубаху снимаю
и выжимаю
я дома
я здесь

Семен Краснов

Луна. Мартини. «Итальянский» пляж.
Совсем чужая женщина-подросток.
В полоску гетры. Пообщались просто.
Лиловый свет. Сиреневый пейзаж.

«Я влюблена в другого». Может быть.
Колючих губ секундное движение.
Холодных рук шершавое скольжение.
Глоток вина. Желание курить.

Осенний вечер. Тёмно-синий лес.
Что делает душа – угодно Богу?
Спокойный сон в короткую дорогу.
Свет фонарей. Багряных улиц блеск

Андрей Князев

Красный Рено

История отечественных танковых войск берёт начало с безоблачного весеннего дня 1919 года, когда удалая Красная Армия в лице прославленной Заднепровской бригады атамана Григорьева, выгнав из Одессы всем надоевших оккупантов Антанты, в процессе безудержных грабежей нашла на одной из помоек обломки французского танка "Рено FT-17". Очистив металлолом от картофельной кожуры, красноармейцы тотчас отправили его в Москву – в подарок товарищу Ленину на Первое Мая.

"Без оружия и без винтовок шёл украинский пролетариат на усовершенствованные орудия современной техники, но, как видите, даже танки, эти современные чудища, порожденные последней войной, не устояли перед революционной войной, и сегодня 2-я Украинская Советская армия имеет счастье преподнести Вам, дорогой Учитель, одно из этих страшных орудий. Вам мы отправляем один из этих танков, который будет лучшим доказательством мощи пролетарской революции!" – Писали Вождю ликующие красноармейцы.

По другой версии, Заднепровская бригада захватила то ли четыре, то ли пять таких танков в ходе лихой кавалерийской атаки под станцией Берёзовка, обратив в беспорядочное бегство неисчислимы орды оккупантов и деникинцев.

"Противник – греки, французы, добровольцы – был выбит с передовых позиций и, растерявшись, бежал в полном беспорядке. В течение нескольких минут нам досталось много трофеев: около 100 пулемётов, четыре орудия, из них два дальнобойных, масса снаряжения, семь паровозов, пять эшелонов, бронированный поезд, четыре танка и два штаба, греческий и французский." – Вдохновенно врал комбриг в донесении руководству.

Пока на пылающей в огне гражданской войны Украине Реввоенсовет раскладывал головокружительные пасьянсы из бубнового туза Никифора Григорьева, трефового короля Мишки Япончика, пикового валета Нестора Махно и червонного казака Гришки Котовского, помятый жизнью, но всё ещё прекрасный образчик французского танкостроения прибыл в Москву и скромно предстал пред светлыми очами членов ВЦИК и Совнаркома. Владимир Ильич влюбился в прелестную бронированную машину с первого взгляда. Он бегал вокруг неё, нежно гладил гусеницы, карабкался на броню и с хохотом прыгал оттуда на руки товарищей. Конечно, Ильич потребовал, чтобы французская красавица непременно приняла участие в первомайском параде на Красной Площади.

К сожалению, скоро обнаружилось, что с самостоятельным передвижением у красотики большие проблемы. За неимением двигателя. В Одессу срочно

ОКРЕСТНОСТИ

телеграфировали: "Пришлите скорее ещё один танк – из тех, что захватил товарищ Григорьев. И чтобы мог ездить!"

"Товарищ Григорьев – больше не товарищ, а изменник Революции". – Мрачно отвечала Одесса. – "На подавление григорьевской контрреволюции отправлен сводный батальон Мишки Япончика, сформированный из самых боевых одесских пролетариев. Оставшиеся танки убыли вместе с ним".

"Так пошлите кого-нибудь к товарищу Япончику. Пусть спросят у него один-два танка. Для товарища Ленина". – Телеграфировала Москва.

Ответ Одессы последовал днём позже: "Бывший товарищ Япончик расстрелян как Иуда Мировой Революции. Банда его, собранная из самых последних подонков и преступных элементов Одессы, вся разбежалась. Куда девались танки – неясно".

Узнав, что с участием его любимицы в параде возникли какие-то проблемы, товарищ Ленин ужасно расстроился. Он плакал, кричал, что всех расстреляет, и жаловался Надежде Константиновне, что его окружают сплошные сволочи.

На своё несчастье, в это время в Реввоенсовет как раз забежал дедушка русской авиации Борис Илиодорович Россинский, намеревавшийся украсить первомайскую демонстрацию кружевом мёртвых петель. В результате попавшему под горячую руку авиатору было велено немедленно обеспечить передвижение французского танка. "А как же фигуры высшего пилотажа?!" – Пролепетал Россинский.

"Увольте! Увольте меня от ваших фортелей!" – Бросил в сердцах председатель РВС товарищ Троцкий. – "Как вспомню ваши... фигуры на прошлом Первомае – желудок к горлу подскакивает! У Ильича теперь новое увлечение. Прошу обеспечить!"

О том, как товарищ Россинский выполнял просьбу наркомвоендела, лучше всего написал Корней Чуковский:

Подите приведите четырнадцать коней,
Подите позовите пятнадцать силачей!
И кони прискакали, и силачи пришли,
Но маленькой копеечки не подняли с земли.
Не подняли, не подняли, не по...

На самом деле всё было не так уж и мрачно. В первомайском параде прекрасная французская пленница участвовала. И даже ехала. Как? Подите – спросите у Россинского. Правда, дедушка русской авиации уж померши. Кстати, только в 1977 году. А Чуковский Корней Иваныч, которого славный авиатор в

ОКРЕСТНОСТИ

эту тайну, очевидно, посвятимши, померши ещё раньше – в 1969-м. В общем, пролетевши мы.

Учитывая, что малышка Рено весила порядка семи тонн, сложно поверить, что пятнадцать силачей, даже если бы они все под неё как-нибудь подлезли, смогли бы сдвинуть прелестницу с места. Есть версия, что вместо танка силачи перемещали трибуну со стоящими на ней членами Политического Бюро ЦК РКП(б), создавая у последних оптическую иллюзию, что двигается именно танк. Лично мне никаких других рациональных объяснений этого исторического феномена в голову не приходит.

Но всё хорошо, что хорошо кончается. Ильич был счастлив, Россинский – награждён, наркомвоендел – оставлен в покое. В штаб 2-й Украинской Советской Армии уже 2 мая отправилась телеграмма Вождя: "Приношу свою самую глубокую благодарность и признательность товарищам 2-й Украинской Советской Армии по поводу присланного в подарок танка. Этот подарок дорог нам всем, дорог рабочим и крестьянам России, как доказательство героизма украинских братьев, дорог также потому, что свидетельствует о полном крахе казавшейся столь сильною Антанты. Лучший привет и самые горячие пожелания успехов рабочим и крестьянам Украины и Украинской Красной Армии. Председатель Совета Обороны В.Ульянов (Ленин)".

Дальнейшая судьба Красного Рено сложна и противоречива. Сведения об этой таинственной машине имеют свойство распадаться на взаимоисключающие информационные потоки. Известно, что некий танк в составе Бронедивизиона Особого Назначения гонялся за бандами Махно вдоль железной дороги Мелитополь – Александровск. Вероятно, "чудище, порождённое последней войной", устрашало анархию с возившей её туда-сюда железнодорожной платформы. Имеются также сведения о передаче какого-то танка в состав 8-й армии Южного Фронта, вместе с двумя мотоциклами "Харлей-Дэвидсон". Обе версии оканчиваются печально. Первый танк РККА (в последнем случае – вместе с обоими "Харлеями") куда-то подевался – вероятнее всего, был оставлен при отступлении и захвачен белыми.

Эта информация категорически не согласуется с третьей версией: о том, что вместо фронта танк был сразу же отправлен в Нижний Новгород, на завод "Красное Сормово", с категорическим приказом немедленно начать массовое производство аналогов. Данная версия наиболее достоверна и лучше всего документирована. Её мы и будем придерживаться.

Долго матерились сормовские рабочие, получив одесский подарочек с приказом РВС. "Реналтиха", как с ненавистью прозвали на "Сормове" присланный образец, даже трансмиссии не имела – один искорёженный корпус с кое-как державшейся на последних клёпках скособоченной башней. Гусеницы, правда, были. Да и то – половину катков растащили на сувениры латышские

ОКРЕСТНОСТИ

стрелки. Но с Реввоенсоветом шутки плохи. Покряхтели сормовцы, помозговали и принялись куздрячить.

Прошёл год. Реввоенсовет давно забыл о своём сормовском заказе. Да и не до того было. Как раз Пилсудский раздолбал Тухачевского. А Врангель, воспользовавшись оказией, полез из Крыма. Настроения в РВС царили бодрые, панические.

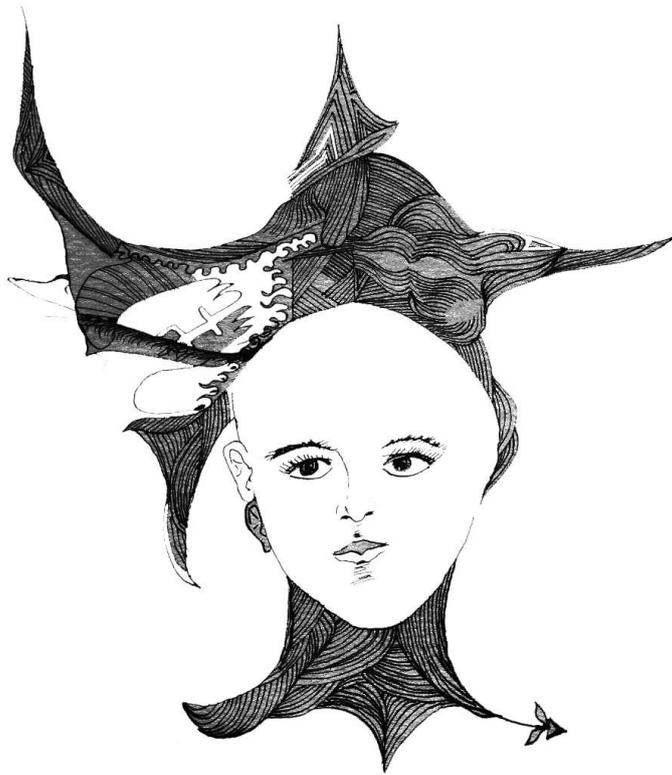
Когда посланцы "Красного Сормова" доложили наркомвоенделу о выпуске первого сормовского танка и положили на стол счёт за выполненные работы, товарищ Троцкий уронил пенсне, тихо спикировавшее на страницы романа Марселя Пруста, и чуть не свалился с креслица. Счёт соответствовал продолжительности работ и превосходил все мыслимые пределы.

Впрочем, существует версия, что подобная реакция была вызвана известием о вступлении Войска Польского в Минск. Точно установить это трудно, поскольку телеграмма с Западного Фронта и счёт от "Красного Сормова" легли на стол наркомвоендела одновременно. Сопоставив эти два документа, товарищ Троцкий быстро пришёл к выводу, что торг в данных обстоятельствах будет неуместен. Он обозвал подрядчиков "разбойниками с большой дороги" и "гнилыми пиявками, присосавшимися к кровоточащим ранам РСФСР", подписал счёт, а вслед за тем – заказ на производство ещё четырнадцати таких машин. "Четырнадцать – и всё!" – Шумел нарком. – "Не вздумайте перевыполнить! Иначе все пойдём по миру с вашей себестоимостью!"

Прошёл ещё один год. Заказ наркомата был выполнен. Вслед за первым сормовским танком, в ряды славной Красной Армии встали ещё четырнадцать грозных бронемашин. Все пятнадцать танков получили от трудового коллектива "Красного Сормова" собственные имена. Вот они. 1. "Борец За Свободу тов. Ленин". 2. "Парижская Коммуна". 3. "Карл Маркс". 4. "Лев Троцкий". 5. "Лейтенант Шмидт". 6. "Карл Либкнехт". 7. "Красный Борец". 8. "Красная Звезда". 9. "Пролетарий". 10. "Свободная Россия". 11. "Черноморец". 12. "Илья Муромец". 13. "Буря". 14. "Керчь". 15. "Победа".

Существует не вполне достоверная, но красивая легенда о том, что оригинальный французский танк, послуживший образцом для вышеперечисленных аналогов, в ходе работ над серией был отремонтирован, наречён "Сувениром" и возвращён товарищу Ленину, который за прошедшие два года страшно соскучился по своей бронированной подружке. В ЦК ему не раз говорили: "Не плачь, Ильич! Она вернётся!" А Ленин только тряс головой и плакал ещё горше. Но товарищи из ЦК, как всегда, оказались правы. Она вернулась.

(2016)

ПТИЦА

ПТИЦА-2016

В июле – ноябре 2016 года на базе лит. портала «Клубочек» проходил 4-й поэтический турнир имени Игоря Царёва «ПТИЦА-2016». Темой его стали строчки из стихотворения поэта: «В словесной руде пробиваюсь пером». В конкурсе приняли участие авторы свыше 20 городов и др. населённых пунктов России (Москва и Московская область, Казань, Калужская обл., Кемеровская обл., Махачкала, Омск, Оренбург, Новосибирск, Ростов-на Дону, Самара и Самарская обл., Санкт-Петербург, Свердловская обл., Ставропольский край, Тула, Удмуртия), Украины (Закарпатская обл., Луганская обл., Харьков), Австралии (Сидней) и Канады (Торонто).

Победителем стала Ольга Левкина (Флярковская) (Россия, Москва). Серебряный призёр Сергей Кривонос (Украина, Луганская обл.), бронзовый призёр Джон Ричардс (Россия, Тула). Лауреаты конкурса Миясат Муслимова (Россия, Дагестан, Махачкала), Ирина Коротеева (Россия, Ростов-на-Дону), Вера Кузьмина (Россия, Каменск-Уральский), Андрей Земсков (Украина, Харьков), Генриетта Флямер (Россия, Московская обл., Протвино). От всей души поздравляю победителя, призёров и лауреатов!

Благодарю членов жюри: Ирину Царёву (Москва) – супругу и соавтора Игоря Царёва, члена СПР, Академика Академии российской словесности; Викторию Бурцеву (Москва) – поэта, победителя 3-го конкурса «ПТИЦА-2015»; Дениса Липатова (Нижний Новгород) – поэта, прозаика, лауреата Приволжской литературной премии «NEWBOOK.ВОЛГА-2015»; Эдуарда Учарова (Казань) – поэта, победителя 2-го конкурса «ПТИЦА-2014» и отдельно Сергея Сумина (Тольятти) – поэта, прозаика, журналиста, редактора журнала «Графит», организатора фестиваля Поволжья – за предоставленную возможность публикации конкурсных стихотворений финалистов в литературном альманахе «Графит».

*ГАЛИНА БУЛАТОВА (Казань) – поэт, переводчик,
куратор и организатор конкурса с 2013 года.*

СТИХИ ФИНАЛИСТОВ КОНКУРСА ПТИЦА-2016

Ольга ЛЕВКИНА (Флярковская) (победитель конкурса)

Есть праздник в течении буден,
В скольженьи негромких минут,
Когда из небесных посуды
Шершавые дождики льют,

Когда деловито и просто
Всяк маленький в доме сверчок
Картузик повесит на гвоздик
И тоненький снимет смычок.

Таится для сердца отрада
В порядке прожитого дня,
И смиренное стойбище грядок
Под вечер отпустит меня,

Сосна головой покачает,
Приветливо глянет звезда...
Вот так бы и жить от начала
Для творчества, воли, труда!

Разведрило в небе глубоком,
И тень от калитки густа.
И рифмы шуршат в водостоке,
И светится кожа листа.

Под пение крошечных скрипок
Полночные строчки бегут,
А мир переменчив и зыбок,
И полон видений уют...

Джон РИЧАРДС (бронзовый призёр конкурса)

Яблоко

Всё, что было –
скроет туман-река,
унесёт в беспмятство
за горизонт столетий.
Всё что будет –
дрожащей зари рука
нагадает,
подкинув в небо
солнца монету.
Там,
мой голос –
тише осенней полночи,
дыханье строки
на обрывке мятой бумаги.
Там,
мой взгляд –
чёрный ветер на площади,
капля крови
в чернилах дождливой влаги.
Там,
моё сердце –

усталый мотив побережья,
крик чайки над пеплом
ветхой закатной арки.
Там,
моя вера –
ощущение юной свежести
в ладонях мальчишки,
сорвавшего кислое яблоко.

ПТИЦА

Миясат МУСЛИМОВА (лауреат конкурса)

Прими меня

Прими меня – опять в последний раз,
Прости за возвращенье и за робость.
Себя леплю из подаянья фраз,
Боясь в тебя сорваться, словно в пропасть.

Перед тобой чиста или пуста,
Я с ужасом рожденья вновь смиряюсь.
Какое счастье – с чистого листа
Писать стихи, пусть даже повторяясь.

Что прячет ночь сегодня от меня,
Когда зовёт на исповедь к бумаге?
И я, свою беспомощность кляня,
Опять впадаю в обморок отваги.

Прости за дерзость, но не отлучай, –
Я зрячесть обретаю перед словом,
Когда оно с упорством палача
Признаний ждёт и судит их сурово.

Ты знаешь всё, пусть даже я смолчу,
Мой чистый лист, – и старь моя, и новь.
Твоей неотвратимостью плачу
За невозможность высказать любовь.

Сергей КРИВОНОС (серебряный призёр конкурса)

Зимы начало. Торжество снегов.
Не в лад скрипят качели бесполезные.
Я привыкаю музыку шагов
Переводить на музыку поэзии.

Мне слышен в монотонности ходьбы,
В ещё негромком, осторожном хрусте
Спокойный ритм сложившейся судьбы,
Живые ноты радости и грусти.

ПТИЦА

А голоса рассветного двора
Своей несуетливостью похожи.
Мне интересно музыку добра
Искать и находить среди прохожих.

Смотреть в окно, внимать обрывкам слов
И, трудно пробиваясь к пониманью,
Восторженную музыку следов
Переводить на музыку свиданий.

Генриетта ФЛЯМЕР (лауреат конкурса)

Не люблю растекаться по дереву,
Не люблю во все трубы трубить.
И прошу у стиха и напева
Каждый раз сокровеннее быть:
Вот вода – только шёпот и тайна.
Вот звезда – света тонкая нить...
Умоляю – не будьте случайны,
Намекаю – умерьте же прыть.
И тогда, словно бег иноходца
Строй стиха сдвинет вдаль горизонт,
И души Кто-то тихо коснётся
И со мной запоёт в унисон.
Вот тогда мне легко удаётся
Разделить шелуху и руду,
И далёкое эхо колодца
Покатать словно жемчуг во рту...

Вера КУЗЬМИНА (лауреат конкурса)

Что от Бога

Русь – поля да тряпки,
Снег да образа...
У меня от бабки
Синие глаза.
От прабабки Анны –
В масле деруны,
Слёзы из-за пьяных,
Страх из-за войны.
От соседа-вора –
Смылся на Кубань,
Были разговоры,
Танька с пузом, глянь –
Не просить, не виться,
Не лежать в пыли,
А пойдёшь в землю –
Дура, не скули.
От свекрови – сито,
Ругань да грехи,
А от всех убитых –
Горькие стихи.
От Сашуры-лельки –
Крестик на шнурке,
От подружки Ольки –
Перстень на руке.
От соседки строгой –
Тёплые носки...
...у Руси от Бога –
Дети, старики...

ПТИЦА

Ирина КОРОТЕЕВА (лауреат конкурса)

... Я всё равно уеду в Монтерей –
Из сырых зим в живительное лето.
Отстукивать ладошкой хорей,
И чистить яйца в старую газету.

Пусть проводник с хроническим «амбре»,
Пуускай кромсают тишину соседи,
Титан, что старец чинный в серебре,
Покоя мне горячего нацедит.

И я ко всем терпима и светла,
Дорожные просеиваю байки.
Жизнь полетит чужая у стекла:
Кресты, церквушки, домики, сарайки,

Весёлые зелёные сады –
То вырастут, то словно бы усохнут.
И звёзды самой первой чистоты
В вагонные заглядывают окна.

Конечно, транспорт выбран сгоряча.
Всего вернее было б самолётом.
И вот уже закат внизу зачах
И рядышком посапывает кто-то.

Меня двукрылый тоже укачал,
Меж облаков проскальзывая ловко,
Чтоб больше не рыдала по ночам
Уставшая несчастная Дюймовка.

И чтоб уже не помнить поутру
Цифирей, завязавшихся узлами.
Неси, неси меня крылатый друг,
Неси скорей к моей любимой маме!

Она, конечно, там. Уже давно.
Печёт мне сны про жизнь и про другое.
Я в Монтерей уеду все равно,
Ведь слово-то красивое какое...

ПТИЦА

Андрей ЗЕМСКОВ (лауреат конкурса)

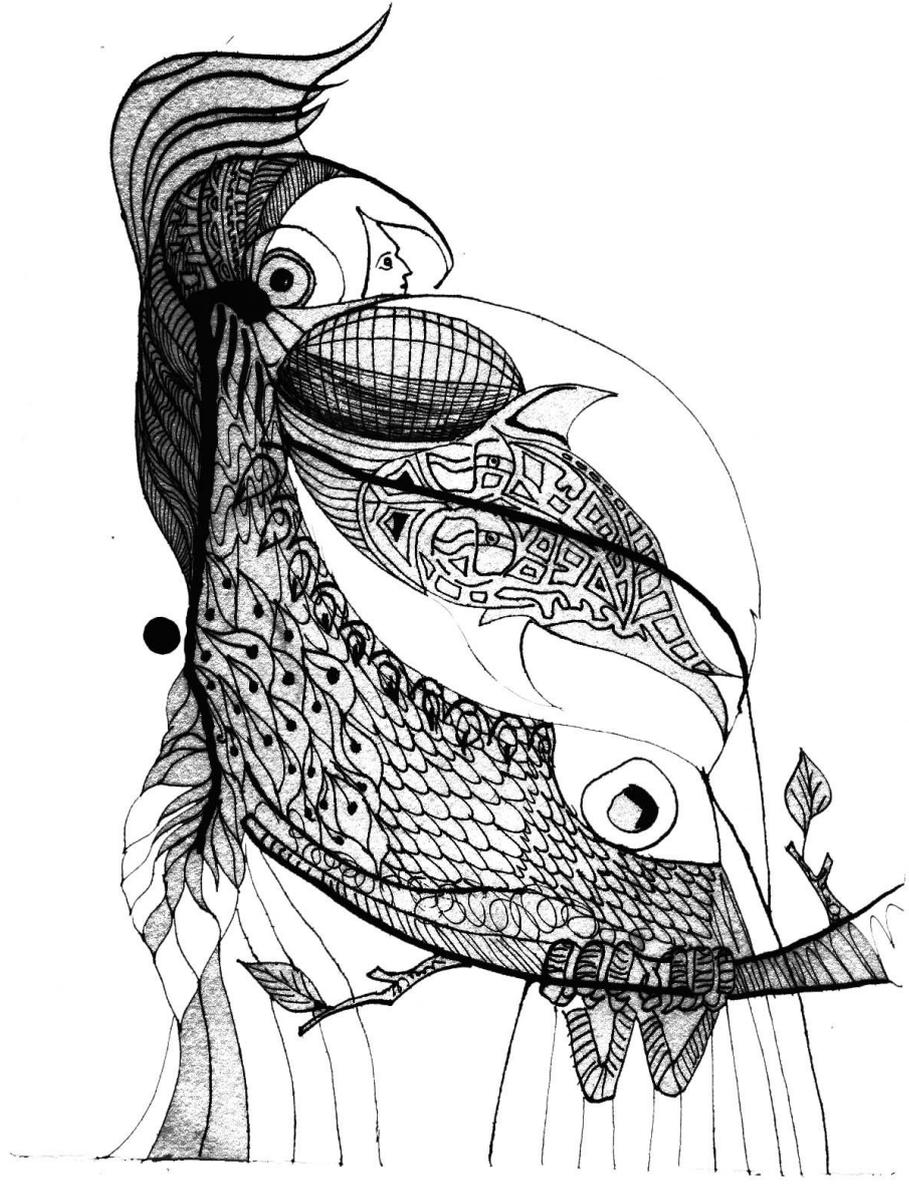
Поэт

Постигая азы
Векового молчанья,
Слушай времени счёт ну хотя бы вполуха.
Если вырван язык
У поэта – печально.
Хуже, если вокруг все лишаются слуха,

Между злом и добром
Размывают границы
И возводят шутов под небесные своды.
Зря старинным пером
Ты мараешь страницы:
Снова Средневековье – ни книг, ни свободы...

Только ты никаких
Гастролёров не слушай,
Похвалу и хулу пропускай без оглядки.
Если жжётся твой стих,
Если рвёт чью-то душу
Твоя песня, – то значит, ты в полном порядке.

Пой для Бога, вари ты
Шаманское зелье
И живи голышом, раз родился в исподнем.
Суеты фавориты
Уходят под землю,
Только Вечности слуги на небо восходят.

Из немецкого фольклора

Шутливая немецкая песня

Fridolin hatte gedacht,
Barbara komme um acht.
Aber sie kam schon um vier,
läutete Sturm an der Tür,
klopfte und drehte am Knauf:
"Fridolin! Mach endlich auf!"
Er aber war gar nicht da,
sondern bei seinem Papa.
Der war zur Kur in Bad Grund.
(Eigentlich war er gesund,
aber er liebte die Kur
dort in der schönen Natur.)
Fridolin trank mit ihm Tee
in einem Garten am See.
Barbara aber, versetzt,
dachte, er hätt' sie versetzt,
glaubte, dass er sie belog,
mit einer ander'n betrog –
rief noch ein hässliches Wort,
drehte sich um und ging fort.

Фридолин думал, к восьми
Барбара сможет прийти.
Она же пришла к четырём.
В дверях колокольчика звон.
Стучит в остекленье дворец.
Милый! Открой, наконец!
Но не был он дома тогда,
А вместе с любимым папа,
Который пошёл на приём
В известном курорте одном.
(Собственно, был он здоров,

Ценил красоту тех краёв.)
Фридолин пил с папой чай
В саду, где цветёт месяц май.
А Барбара ущемлена,
Заставили ждать у крыльца.
Подумала, он изменил,
С другою гулять укатил.
Ужасное слово о нём.
Ушла, не вернулась потом.

Перевод Романа Левакина

Волшебная лампа Виктора Пелевина

**В. Пелевин, «Лампа Мафусаила, или крайняя битва чекистов с масонами»,
Издательство «Э», 2016 – 416 с.**

Последней строкой небольшого текста, выражающего моё скромное мнение об одном из последних романов Виктора Пелевина, было: я жду, когда уже Пелевин напишет, что не можете служить Богу и маммоне (цитирую по памяти). На самом деле Пелевин не только написал (см. «Числа»), но и постоянно развивает эту тему, которая, подобно другим волнующим этого автора темам, то выходит на передний план, то отодвигается в тень, но никогда не исчезает со страниц его книг. Яркий свет «Лампы Мафусаила...» (можно и без кавычек) позволяет рассмотреть многочисленные проявления этого принципа в жизни.

«В чём отличие профессионала от лузера-любителя? Лузер склонен к конспирологии. Он будет выяснять, «кто за этим стоит», ротишильды или рептилоиды, хотя ещё в школе его учили, что современный финансовый капитал – такой же последовательный интернационалист, как товарищ Троцкий. Профессионал же, в отличие от лузера, знает, что миром правят не англосаксы, не евреи, не китайцы – а Дух Денег, чьи пути неисповедимы. Этот Дух надевает на свои бесплотные пальцы самых разных людишек – а потом сбрасывает их, как хирург резиновую перчатку. Поэтому профессионал интересуется лишь чётко оформленной тенденцией – и, когда она делается ясна, берётся за работу по её монетизации». Тот факт, что люди гибнут за металл, был замечен давно, но именно Виктор Пелевин раскрыл тайный механизм явления. Обнаруженная в «Числах» корреляция высокой степени заинтересованности личности в собственной выгоде и её склонности к гомосексуальному поведению в новом романе подверглась детальному анализу, что привело к выводу о первичности идеологической формы разврата над физиологической. Очевидно, толчком к данному исследованию послужило сравнение оттенков смысловых значений общеупотребительного слова, выражающего эту склонность, при оценке поведения личности как в сексуальном, так и моральном аспектах. Справедливо полагая источником идеологического разврата служение упомянутому духу денег, в новом романе автор более подробно рассматривает причинно-следственную связь, выводящую на историческую арену человека гомосексуального и его миссию построения цивилизации нового типа. *"Где-то неподалёку играла музыка – что-то старое, струнное и куртуазное, каждой нотой повествующее о том, каким замысловатым и прихотливым цветком распускается половой инстинкт при освобождении человека от необходимости производственного труда».* Один из героев нового романа, биржевой брокер

ПОСТСКРИПТУМ

нетрадиционной ориентации, развративший своего партнёра, научив его работать на «вату», так говорит о себе: *«Я считаю себя одним из мелких лейтенантов Мамоны, и, как служитель серьёзнейшего из земных мистицизмов, испытываю брезгливое недоверие к любым формам мистицизма декоративного – от косых хомяков, предсказывающих футбольное будущее, до мировых религий, не способных даже на это»*. Божественный мир и мир чистогана – это две противоположно направленные иерархические системы, из которых первая последовательно ограничивает материальные (физиологические) проявления человека, с целью превращения его в духовное существо, а вторая, культивируя и возводя их в абсолют, последовательно ставит человеческое существо в зависимость от материального (физиологического) удовольствия, которое ещё никому не удалось продлить за пределы его материального субстрата (процесса). Но именно соблазн существования удовольствия самого по себе реализуется благодаря духу денег, присваивающему себе роль божества. На протяжении своей обозримой истории человечество неуклонно удаляется от своего Создателя, переходя на сторону золотого тельца. *«Вам может показаться, что это опечатка и здесь должны быть слова «In Gold we Trust»*. В том смысле, что деньги обеспечены золотом. Но здесь написано именно про Бога. *Согласитесь, странная надпись для денег в совершенно безбожную эпоху. Про веру есть, а про золото нет. И знаете, почему? – Почему? – Потому что в наше время деньги уже не обеспечены золотом. Они не обеспечены ничем вообще, кроме веры в них»*. Как любое божество, деньги требуют любви и беспрекословного повиновения, выражающегося в постоянной работе над увеличением их массы. Конечно же, лучше всего в эту систему вписаны существа, не связанные узами семьи, любви к ближнему и другими, вытекающими из божественных заповедей, данных на каменных скрижалях Моисею. В новой системе координат некоторые явления выглядят иначе, некоторые перестают существовать вовсе, или становятся мнимыми. Именно это происходит с любовью, которая заменяется влечением, хотя сохраняет своё историческое название. Поэтому новый роман самим фактом своего появления закрывает тему, которую я условно называю *темой Доны Анны*, и которая выражает длительные размышления автора над природой гетеросексуальной любви. Хотя, что тут долго рассуждать, и, скорее всего, длительность этой линии обусловлена трудностью принятия окончательного решения о наличии/отсутствии в ней духовной составляющей. Что неудивительно, поскольку практически речь идёт о современной формулировке доказательства бытия Бога. Если бросить взгляд на галерею женских персонажей Пелевина, представленную портретами Анны, А Хули, Геры, Каи, Юки (глядя на которых, мне упорно вспоминается писатель-фантаст советского периода Иван Ефремов со своими гетерами), можно заметить, что из них только Анна наделена живыми человеческими чертами (в одном коротком, но

ПОСТСКРИПТУМ

очень сильном по романтическому накалу отрывке), а остальные представляют собой варианты воплощения идеи Вечной Женственности (она же Прекрасная Дама) в контексте основной идеи соответствующего романа. Просто Мария занимает особое место в этом ряду, поскольку это мужчина, пациент психиатрической клиники (что отчасти можно трактовать как элемент оценки явления), и она представляет собой отправную точку исследования основной идеи «Лампы Мафусаила...», романа, трактующего мир как самовоспроизводящуюся химеру, вызванную к жизни дурными наклонностями населяющих её белковых тел. Женский образ нового романа является собирательным и, как двуликий Янус, с одной стороны представлен стилизованным изображением симпатизирующей идее *революционной борьбы за народное счастье* Елизаветы Петровны: *«Вы сказали, что любите меня, но борьба для Вас важнее. Но я ведь помнил, как сверкали ваши ангельские глазки в баденских модных магазинах... Я, признаться, решил тогда, что дело в отсутствии у меня материальных средств для достойного существования, и, будь они на месте, ваше сердце могло рассудить чуть иначе»*, – а с другой – собирательным образом Красавиц (или Красоток) А, представителям доминирующей космической расы будущего. Объединяющим фактором является то, что генеалогической точки зрения Елизавета Петровна представляет собой отправной пункт эволюционного процесса, который в конечном итоге привёл к появлению Красоток А. *«По подвалу прошла словно бы волна электрического гнева. Профессор Берч, до этого молча глядевший себе под ноги, встрепенулся, будто его дёрнули за невидимый поводок. Встав со своего места, он сказал: – Заявляю решительный протест против искажения исторической правды и языка ненависти, звучащего за этим столом. Слова "стервы", "сучки" и "выдры" относятся к языку ненависти, и их употребление является актом микронасилия. Наказание – болевой шок. Правильное именование расы наших уважаемых старших партнёров – "Красотки А" или "Красавицы А". С целью разрушения гетеронормативных клише к ним следует обращаться исключительно в мужском роде, за нарушение – болевой шок. Гендерная флюидность является важнейшим условием свободной самоидентификации космических рас, поэтому слово "страпон" также относится к языку ненависти – следует говорить "перформативный конструктор гендерной идентичности". Примитивная и лживая трактовка космической истории недопустима. Целью Красоток А является построение мирного и безопасного космоса для всех рас, кроме изгнанных из времени и пространства омерзительных спермозавров. Желаящий узнать правду о Сутках Славы должен обратиться к культурному представителю Красоток А, и ему будет предоставлена вся необходимая информация...»* Аналогичным образом, пространство романа в целом, объединяющее истории трёх поколений одной семьи на протяжении периода с XIX по

ПОСТСКРИПТУМ

начало XXI века, иллюстрирует развитие идеи революционной борьбы за народное счастье, её трансформации, и последствия, которые привели нас на порог нового мира. Этот мир отрицает существование трансцендентного абсолюта, и производит его гротескные эрзацы, вследствие чего личность заменяется бесполой белковой субстанцией, проводящей жизнь в конкурентной борьбе за удовлетворение своих физиологических потребностей. Это путь наименьшего сопротивления, потому что на самом деле *«Жутки обе половинки человеческой жизни, что женская, что мужская, просто они жутки по-разному»*. Подробное описание возможного грядущего миропорядка всё больше производит впечатление художественного преломления апофатического метода познания Абсолюта, тень которого постепенно сгущается и ложится на страницы книги в виде своей отрицательной проекции.

«Доллары сделаны именно из веры в то, что какая-то женщина в очках, чьё личное благоденствие совершенно не зависит от обменного курса, не сократит завтра утром все ваши сбережения в три раза, потому что у неё месячные и ей надо успеть сверстать какой-то там бюджет. Понимаете? Деньги опираются не на боеголовки и авианосцы. Деньги опираются на веру в то, что завтра их не превратят в опилки по команде очередного папы Карло. Мы выращивали эту веру веками. И поэтому доллар – это мировая резервная валюта».

Не обошёл автор вниманием и другую любимую тему – мифотворчество, как стихийное, так и на службе у идеологии, наиболее яркий пример воплощения которой до настоящего момента был представлен, пожалуй, в романе S.N.U.F.F. В новом романе ей уделена целая часть (третья) под названием «Храмлаг», а в качестве эпиграфа к ней можно было бы взять следующий абзац из первой части: *«По причине общего российского неустройства (и, я бы сказал, глубокой отсталости даже самой нашей отсталости) «работать на ватный дискурс» означает, по сути, создавать его на ровном месте – так что грех мой был двойным»*.

...Все мы в той или иной степени отдаём себе отчёт в том, что ежедневно становимся объектами более или менее удачной манипуляции со стороны сил, скрывающих свою сущность под маской прогресса и добра, и на этом основании требующих к себе лояльного отношения. Но не все наблюдатели склонны обобщать наблюдаемые явления. Виктору Пелевину это свойственно, и, более того, ему удаётся в высшей степени удачно перелагать полученные результаты таких обобщений в художественную форму, к удовольствию своей читательской аудитории.

Елена Карева

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Сибирские огни. №9/2015. Литературно-художественный журнал. Новосибирск. 2015. с.192.

Наскоро полистав неожиданно попавший мне в руки номер, я подумал: наверное, Сибирь достойна лучшего журнала. Но есть то, что есть.

Есть "Сибирские огни". Они открываются романом "Дежурные по стране", автор Алексей ЛЕСНЯНСКИЙ, премия "Дебют 2013", Премия И.Ф. Анненского. Группа молодых людей взяла на себя непростую задачу – изменить ситуацию в стране своими усилиями, своим нравственным служением. Они идут к нищающим крестьянам, фанатичным скинам, бесстыдным жрицам любви – туда, где нужны невероятные усилия, чтобы добиться результата. Идея хороша, если бы картонные герои не передвигались в нарисованных декорациях, для каждой реплики поворачиваясь лицом к залу. Как сказано в самом романе: "*Степь не пахнет, вкус огурца отдает пенопластом*". Кстати, огурцы, как водится, ядрёные, водка – родимая, Родина, естественно, мать. Думать над сюжетом можно и нужно даже, вот читать – не хочется.

Зато в пьесе Л.Кармалиты "История одного убийства" герои живее иных реальных людей. Вполне им сопереживаешь, даже голубям, которых пытаются отравить, хотя сами голуби на сцене и не появляются.

Три подборки стихов: молодого поэта Сергея Кубрина, литературного ветерана Николая Шипилова и Ольги Дмитриевой, пишущей под вычурным псевдонимом Лёля Серебряная, предьявляют неплохой уровень сибирской поэзии за последние тридцать лет, но перечитать мне захотелось только строки О. Дмитриевой, ох, простите, Лёли Серебряной.

Очень содержательной показалась мне переписка знаменитого прозаика В.П. Астафьева и литературоведа Н.Н.Яновского 1965-79гг – она много добавляет к объемному видению литературного процесса 60-70-х годов. Мне, во всяком случае, было интересно.

Пытливому читателю рекомендовал бы статьи Е.Красильниковой "Пляски на костях" о разрушении исторического некрополя Западной Сибири и обзор С.Голиковой "Рыбачий берег", посвященный художнице Н.Нагорской, гравюры которой создают великолепное графическое обрамление журнала.

В общем-то, я бы поискал свежие номера "Сибирских огней".

*За стенами скрипучий ветер / Цепляется за провода. /
Так и живёшь на белом свете / На белом, как зимой вода.*

Уильям Карлос Уильямс. Стихи разных лет. Пер. Андрея Щетникова. Артель "Напрасный труд", Новосибирск, 2016. 72 с.

Удивительное разноцветье для книги, изданной в чёрно-белых тонах. Я насчитал 25 цветов и оттенков в шести десятках стихов. Предпочтение при этом отдаётся чистым цветам, коль скоро *"Густо-медовое пятно... портит цвета целого мира"*, но всё же колорит не сводится к семицветью радуги.

И, как это ни смешно звучит применительно к стихам, я озяб, читая книгу. В ней *"листья берёз отворяют холод"* и *"тело, ... перекрученное как зимний ветер"*, *"острые копы, на которые падает снег"* и *"бледные тени лежат на замёрзшей траве"*, *"жёсткие колеи забило снегом"* и даже *"блохи... умерли от холода"*.

Автор говорит простыми словами о простой жизни. Какие-то из его стихов можно свести к трём-пяти словам, например: больница, зола, осколки бутылки (*"Между стенами"*) или: Женщина с ребенком плачет у окна (*"Молодая женщина в окне"*) и на первый план выходят формальные приёмы – странно смещённая разбивка на строфы или яркое цветовое (читай, смысловое) пятно в подчёркнуто бесцветном тексте: *"я увидел цифру 5 / золотую / на красной / пожарной машине"*. Он печалится о погибшем коте, вместе с которым замёрзли те самые блохи и дивится *"белым бёдрам в небе"* – это луна напомнила ему округлые совершенные бёдра многократно рожавшей жены сержанта полиции (Уильямс сорок лет работал врачом-педиатром).

Метафор подчёркнуто немного в его стихах, и потому каждая из них словно драгоценная бусина на черном бархате стиха.

*Небо переполнено горечью. / Из темноты перемен / весь этот долгий день /
Дождь идёт и идёт, / словно вовсе не кончится.*

Сергей Паламарь. Опустите им веки. Москва. Санкт-Петербург. Издательство "Нестор-История", 2014. 236 с.

Как иногда радостно бывает осознать, что ты читал с автором одинаковые книги, и на вызов времени и вопросы собственной совести ты с ним пытался ответить не то, чтобы одинаково, но с одних позиций. Нравственных или боевых, не суть важно. И этот мир у него болит так же неутолимо. И место свое во вселенной он определяет не должностным рангом, а критерием, которого – не то, чтобы не объяснить многим в современье, а – просто объяснять смысла нет. Одни поймут и так, другие – не поймут никак.

*Мы не больше были, чем человек,
но и меньше нам было никак нельзя.*

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Кто-то скажет – поза. И пускай поза. Человек, умеющий держать спину прямой, не согнет ее в подобострастном поклоне, чем бы это ему ни грозило.

*Каждый имеет право на дыбе
вполне иронично хранить молчанье.*

Для меня в работах художника всегда важнее не амбивалентность профессионализма, а пристрастность личности. Кто-то скажет – однобокость, по нынешним временам – горб, но другие помнят, чем оказался горб героя старого фильма, испытавшего *"боль прорастающих крыльев в плечах"*.

Ну конечно, конечно, сейчас в жизни совсем не место героям, все равны всем, и безликий представитель человеческой массы, оказавшись на любом из многочисленных шоу, может внезапно стать звездой, по-прежнему ничего из себя не представляя.

*Кругом толпа – не выйти за кулисы,
и оттого – обилье мелких сцен,
и перемена платья у актрисы
отнюдь не означает перемен.*

И смешно задавать вечные вопросы в мире, где гуглояндекс заранее знает все ответы –

...будут истины открыты и избиты...

и безопасный секс куда насущнее искренности и глубины чувства. Стоит ли удивляться, что масштабность жизни уступает масштабности потребления (и потребления культуры, в том числе).

*Нет чумы, но целые эпохи
пропадают в западне презерватива.*

Сквозь пестренький, разнообразный, всепобедивший быт, не отодвинувший, а попросту сделавший бессмысленным, неуместным Бытие, кажется, не пробиться сколь угодно сильному импульсу самопожертвования

*но даже во имя любви не стал
крестом придорожный столб*

И 9 из 10, а может, 99 из 100 скажут – и за-ме-ча-тель-но! Жизнь становится все комфортней, все приемлемей, лучше и веселей. Разве плохо, когда

*не кошки скребут на душе
а шуршат в голове тараканы.*

Спокойная совесть, что может быть лучше! Я пожму плечами, не стану спорить и возражать, а просто вернусь к молчаливой беседе с автором. Человек сомневающийся, переживающий, испытывающий стыд и боль вины мне ближе, чем уверенный в себе, сознающий свою правоту, знающий, что и как надо делать в этой жизни.

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Я читаю эти стихи, многие из которых звучат песнями, и понимаю, что автор знает толк в дальних трудных дорогах, потерях и разочарованиях, что ему по пути и по сердцу со стародавним бродягой, пару тысячелетий назад искавшим доли на пыльных дорогах окраин великой империи. Того называли громкими именами, прочили царство, искушали всевластием, а он был человек, страдающий и сострадающий...

*...ничего ему не удавалось,
разве только вино или хлеб.*

И, по прежнему, мне и любому, кому посчастливится испытать созвучие с автором этой книги, не остается

*ничего, кроме этой свободы /выбирать несвободу своей
совершенно неясной природы, / человеческой, в силу вещей,
кроме страшного счастья рождаться, / видеть, слышать, дышать, осязать,
совершать, узнавать, ошибаться, / ненавидеть, любить, умирать.*

Сергей Пиденко

Анатолий Маковский. Чемодан. Стихи. Москва, 2006 г. – 58 с.

Сборник стихов Анатолия Маковского называется «Чемодан», и уже это название вызывает ассоциацию с дорогой. Особенно железной. И в самом сборнике немало стихотворений о вокзалах. «Киевский вокзал», «Курский вокзал», «Площадь трех вокзалов». Жизнь лирического героя здесь выглядит как вечная дорога. Во время которой он наблюдает за жизнью, глядя на нее не без доли какой-то горькой иронии. Автор иронизирует над своим героем, над жизнью.

Обокрали меня, извините. И спасибо брянской милиции, что оставили маленько на жизнь.

Марат Исенов. Письма к Сэторо Канно. Стихи. Алматы, 75 с.

Стихи этого сборника вызывают в голове образ японской поэзией – хокку. Некоторые из них похожи на привычные нам стихотворения, а некоторые состоят из одной строчки. А все вместе они похожи на осколки огромного зеркала, в котором автор отразил многообразный и яркий мир. Каждое из них в отдельности – часть этого отражения и вместе с тем само – отдельный мир.

*Я видел много таких же, подобных мне/ растерянных и беспомощных /а внизу
было целое лето/его душевное тело в ущельях*

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Оскюморон. Стихи и проза. Студенческий литературный альманах. Выпуск 4. Самара, 2015-2016 гг, 155 с.

Оскюморон, как известно каждому школьнику, это сочетание несочетаемого. И в этом альманахе, как в жизни, сочетаются совершенно разные авторы и стили. Лирические стихотворения о любви и одиночестве, стихи о природе, а рядом – отклики на события недавнего прошлого, как падение лайнера в 2015 году (Елена Лазарева «Что там... в облаках?»). А рядом – стихотворения, вызывающие в своей памяти стиль Владимира Маяковского. Стихи-вызов, иногда даже без рифмы. Нашлось в сборнике место и прозе, причем в том числе и фантастической, как в рассказе Антона Никтарова «Первая ученица Эдриана», который похож на отрывок целого романа, в который читателям сборника дано мельком заглянуть. Так или иначе, но, думаю, сборник будет интересен всем.

Чувство – единственное, что осталось в нем от человека, таков был дар владительницы царства мертвых, такова была расплата за обретенное могущество (Антон Никтаров «Первая ученица Эдриана»).

Алина Науменко

Арсен Мирзаев. "Само собой" Санкт-Петербург 2013. Изборник, тир 750 экз.

Мы люди простые, академий не заканчивали, поэтому скажу по-простому: Лирический герой Арсена Мирзаева Антон Компотов заявляет "Надо жить, не то помрём" Правильно, Антон, правильно! Соглашаюсь. Благодаря предисловию литературоведов, я узнал, что произведения А.М. причастны к поздно футуристической традиции и натурфилософским мотивам, перекликаются с нео- и пост-авангардом. А я, как простой читатель-нелитературовед, назвал бы впечатление от стихов "обаянием Петербурга». А ещё понравилась строфа: " Небес покою, не беспокою".

Литературный альманах 2015 детской студии творческого чтения 'юный журналист' г. Тольятти. Издательство Марины Волковой. Тираж 200 экз.

Нет ничего лучше детских творческих работ. Замечательно, что в Тольятти есть литературная студия для детей, где уже 4-х и 6-летние энтузиасты могут исследовать литературный мир. Название учебных групп: "Букварики", "Читарики" радуют слух. В "Литературном альманахе 2015" детской студии творческого чтения 'юный журналист' г. Тольятти работы юных литераторов сопровождаются филологическими комментариями старших товарищей Э.Учарова и

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Г. Булатовой. Комментарии эти будут полезны и начинающим литераторам постарше. (Лично я получил для себя полезные сведения из этих комментариев)

утро светом залило опушку, лес расчесал зелёную макушку. (Аня Подгорнова)

Слава Трошин

А.В. Жданова «История зарубежной литературы». Вторая половина 20 века. Учебно-методическое пособие. 2015 год. ВУИТ, 175 с.

Хороший учебник отличить от плохого довольно легко. Учебник должен быть исчерпывающим по информации и лаконичным по содержанию. Пособию по зарубежной литературе под ред. А.Ждановой это удалось в полной мере. Зная обстоятельства жизни и смерти автора учебника, можно было предположить, что это будет проявлено в тексте. Так и есть, вернее – ничуть не бывало! Книга яркая, страстная, местами провокативная, живая. Книга, написанная человеком не равнодушным и любящим предмет, о котором он сообщает. Особенно восхитили меня два раздела – «Использование мифологии в литературе второй половины 20 века» и «Творчество Сэлинджера». Миф, кажется, более всего интересовал автора учебника – помимо прекрасного вступления в тему здесь присутствуют – вопросы по темам, анализ творчества писателей, у которых миф несет основополагающую роль в тексте, планы занятий. Жданова находит у большинства ярчайших прозаиков 20 века (Астуриас, Тугуола, Вольф, Барикко) следы мифотворчества, мифологизации и это, безусловно, ключ к расшифровке их творчества. Раздел о Сэлинджере прекрасен глубоким анализом внелитературных факторов творчества писателя. Дзен-буддизм и йога оказываются крайне важными составляющими текстов американского писателя. В качестве примера А.В.Жданова приводит в пример сборник «Девять рассказов», который явно соотносится с индийской поэтикой. Что ж, учебник очень хорош. Рекомендуются не только студентам вузов, но и всем, интересующимся зарубежной литературой 20 века.

Мифологическое сознание выстраивает определенный хронотоп: время мифа лишено протяженности – это либо вечное настоящее, либо эпоха первотворения, т.е. период, когда времени не было, возраст мифических героев не меняется (вечная юность, вечная старость).

Сушко В.С. Дым в сторону реки. Москва, 2016 год. 164 с. Тираж 200 экз.

Вика Сушко издала сборник рассказов. Добавим – сборник хороших рассказов. В нем три раздела: Нелинейная проза, Микрорассказы, Рассказы. В книге много свежести, экспериментов, много необычного – и в сюжетостроении, и в методе.

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Встречаются откровенно постмодернистские изыски, например, текст «Записки о несуществующем городе». Это небольшие полуфантастические истории людей из жизни некоего города.

И все же главная тема книги – любовь, даже можно сказать – влечение. Мужчина и женщина влекутся друг к другу, иногда ясно понимая – счастья не будет, и все-таки!! Влечение как закон бытия, как основание быть – этот тезис никто и ничто не может опровергнуть. Так и слоняются персонажи этой книги в поисках счастья с другим(другой), но обретают ли? До конца неясно!!

В книге есть и отличные иллюстрации о месте проживания автора книги. Например, Самара удостоилась отличной вещи «Волга-Волга». Это маршруты прогулок по Самаре, а каждая глава имеет географическую точную привязку: Площадь Куйбышева, Дом архитектора, Струковский сад, Московское шоссе. Что ж, книга однозначно интересная. Требующая прочтения. Оформление также не подкачало. В книге около 20 рисунков автора. Да-да, Вика Сушко – еще и художник. Вывод краток – читать!!

Наступила весна – безнадежное время, когда глыбы льда падают на головы несчастных прохожих, а мальчики влюбляются в не тех девочек, в плоскогрудых русалок с вечно всем недовольной линией рта.

**Нижний Новгород. Литературно-художественный журнал. №2(9) 2016 год.
Тираж 1000 экз.**

Журнал «Нижний Новгород» выглядит очень солидно!! Настоящий такой «толстяк» на 264 страницы и с множеством рубрик. В журнале можно найти и поэзию, и прозу, и эссе, и публицистику, и краеведение. Поэтическая часть журнала наиболее сильная: Татьяна Вольтская, Александр Кабанов, Денис Липатов. Хороши рассказы Марины Ворониной «Попутчицы» и Павла Тужилкина «Дурачок». В разделе критики интересны воспоминания о советском поэте Юри Кузнецове, а также эссе о жизни и творчестве Василия Розанова. Поэт и критик Дмитрий Ларионов пишет о книге Захара Прилепина «Непохожие поэты». Три ныне почти забытых автора получают право на реабилитацию в глазах даже самой придирчивой критики. В целом – журнал читается неплохо, есть, конечно, и проходные вялые тексты, но какой толстый журнал не грешит этим? Прекрасному Нижнему Новгороду – журнал «Нижний Новгород».

Это все литература / это все роман с ключом / есть игра – замри фигура / не волнуйся ни о чем. (Д.Липатов)

Сергей Сумин

АВТОРЫ

Аристов Алексей. Родился в 1983 году. С 2007 по 2011 год вел литстудию при Волжском университете Тольятти. Кандидат филологических наук. Пишет стихи и прозу. Занимается переводами. Живет в Санкт-Петербурге.

Айвенго. Родился в 1971 году. В 90-х участник лит. группы «Олимпийские Игры». Тексты в самиздате, Интернете, различных бумажных изданиях. Несколько стихов переведено на фр. язык. Книга «Стихи Как Стихи» (2015 год).

Безденежных Владимир. Родился в 1973 году в г. Горьком (ныне Нижний Новгород), где и проживает. Закончил среднюю и музыкальную школы, Исторический факультет Нижегородского Государственного Университета им. Лобачевского. В настоящее время – видеорежиссер Волго-Вятского филиала государственного центра современного искусства (РОСИЗО). Множество публикаций в периодике.

Бикбулатов Тимур родился в 1972 году. Два года являлся заведующим веретейским школьным музеем. Затем учеба на филфаке ЯГПУ, работа в лицее № 36. С 2007 года – журналист. Выпустил 7 книг: «Любовь пограничника», «Делирика», «Некрологика», «Время и стекло» (поэзия), «Волчье солнце», «Бог-н-черт» (проза), литературоведческую работу «От мыши к кроту: путешествие за край тела (мифопоэтика Достоевского и Платонова)». Автор краеведческой монографии "Веретейская волость". Живет в Ярославле.

Бородин Василий родился в 1982 году в Москве, работает редактором, иллюстрировал стихи и прозу. Автор шести книг стихов. Лауреат премии Андрея Белого (2015).

Звягинцев Николай. Родился в 1967 г. в Московской области. Окончил Московский архитектурный институт. Стихи публиковались в антологиях «Самиздат века» и «Девять измерений», журнале «Волга», альманахах «Вавилон», «Авторник» и др. Автор трех стихотворных книг. Живет в Москве.

Канарейкина Ульяна. Поэт, художник. Участник коллективных и индивидуальных выставок. Живет в Тройнике.

Карева Елена. Поэт, критик, переводчик. Родилась в 1962 году. Автор двух стихотворных книг, а также многочисленных публикаций стихов и статей в журнале «Город». Живет в Тольятти.

АВТОРЫ

Князев Андрей. Родился в 1972 году. Поэт, прозаик, музыкант. Активный участник поэтической группы «Олимпийские игры». Публикации в различных изданиях. Работает программистом. Живет в Тольятти.

Липатов Денис. Родился в 1978 году в г. Горьком. Окончил инженерно-физико-химический факультет НГТУ им. Алексеева (2001 год). Стихи и проза печатались в журналах: «Нева» (Санкт-Петербург) , «Континент» , «День и Ночь» (Красноярск) , «Крещатик» (№1(63), 2014) «Луч» (Ижевск), «Транзит-Урал» (Челябинск) и др. Живет в Нижнем Новгороде.

Немцев Михаил. Родился в 1980 г. Кандидат философских наук, по основной профессии – преподаватель философии и истории. Играл в любительском театре. Активно участвовал в развитии литературного сообщества Новосибирска. Стихи и другие сочинения публиковались в литературных альманахах и журналах «Номо Legens», «TextOnly»,

Попович Владимир. Родился в 1988 году. С 2002 г. живет в России. Окончил нефтяной колледж. Работает инженером в НИИ, учится в государственном техническом университете (СамГТУ). Публикуется в российских и зарубежных изданиях. Участник Форума молодых писателей в подмосковных Липках (2013г.). Живет в Самаре.

Самсонов Роман. Родился в 1972 году. Философ, автор научных статей по теории семантики и философии языка. Сценарист, драматург, режиссёр. Автор книги стихов "Между Самарой и Волгой». Живет в Самаре.

Сопыряев Дмитрий. Родился 26 ноября 1983 года в г. Ульяновске. Закончил УлГТУ по специальности: «Теплогазоснабжение и вентиляция». В данный момент работает в сфере информационных технологий инженером-программистом. Пишет стихи и прозу с 2002 года. Живет в Ульяновске.

Тененбаум Александр. Родился в 1981 году. Учился в ТГУ. Пишет рассказы, повести, либретто, стихи. Живет в Тольятти.

Трошин Слава. Поэт. Художник. Родился во второй половине XX века в Поволжье СССР. Получил высшее образование экономиста в Самаре. Большую часть года проводит в сельской местности. Живет в Тольятти.

АВТОРЫ

Щелоков Сергей. Поэт, эссеист. Родился в 1974 году в Самаре. Окончил филологический факультет Самарского университета. Многочисленные публикации стихов. Живет в Тольятти.

Черняева Любовь. Родилась в 1975 в Тольятти. Член ТСХ "Солярис" с 2016 г. и Ассоциации психотерапевтов и психологов Тольятти с 2009 г. Автор и куратор социокультурных, образовательных, арт-проектов Тольяттинского краеведческого музея с 1997 г. Куратор Музейного Пикника и Ночи искусств в Тольятти.